НАДЕЖДА РУНОВА
ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
КНИГА 3
СМЕРТЬ ПЕТРА

Надежда Рунова

"Царица, которой не было. Смерть Петра"

«Автор»
2026

Рунова Н.

"Царица, которой не было. Смерть Петра" / Н. Рунова — «Автор», 2026

Евдокия Лопухина должна была остаться в истории нелюбимой женой Петра I. Женщиной, которую отстранили от сына, лишили влияния и отправили в монастырь.Но история уже пошла другим путём.За несколько лет Евдокия сумела создать то, чего от неё никто не ожидал: круг преданных людей, школы, собственные источники сведений и связи, способные выдержать давление царской власти. Она научилась защищать сына и добиваться своего, оставаясь там, где женщине почти не полагалось иметь собственного голоса.Теперь Пётр всё внимательнее присматривается к её делам. Прежние способы договариваться перестают работать. Людям приходится выбирать сторону, а решения, которые ещё вчера казались разумными, начинают оборачиваться опасностью.Евдокия знает, какой должна быть история России. Но чем дальше она отходит от известного ей прошлого, тем меньше может предугадать будущее.1702 год. Противостояние, начавшееся задолго до монастыря, приближается к развязке.Третий роман цикла «Царица, которой не было».

© Рунова Н., 2026
© Автор, 2026

Надежда Рунова
"Царица, которой не было. Смерть Петра"

Царица, которой не было

Книга третья. Смерть Петра

Глава 1. Чужие руки

Утро пришло раньше, чем Василиса успела решить, чего боится больше.

За окнами ещё держалась синяя темнота. В щель между ставнями тянуло холодом, и пламя свечи, оставленной у образов, время от времени припадало к стене. Печь за ночь остыла. От неё пахло золой, нагретой глиной и яблоневыми поленьями, которыми накануне топили спальню.

Пётр спал — по крайней мере, так казалось. Он лежал на спине, откинув голову, и даже во сне не умел занимать мало места. Одна рука свесилась с постели, другая покоилась поверх одеяла. На запястье темнела старая царапина. Василиса почему-то долго смотрела именно на неё.

Между ними лежал валик.

Вчера эта нелепая граница посреди супружеской постели показалась ей почти смешной. Теперь она была ей благодарна. Можно было лежать рядом с мужем и не касаться его, слушать его дыхание и не притворяться, будто всё осталось по-прежнему.

«Утром».

Всего одно слово, а ночь из-за него растянулась до бесконечности.

Она успела представить, как будет прощаться с Алексеем, кому отдаст ключи от письменного ларца, что скажет Аксинье и успеет ли предупредить Марфу Митрофановну о недостающем полотне. Потом начинала сначала, потому что в каждом придуманном разговоре обнаруживалось что-нибудь, о чём она забыла.

Самым мучительным оказалось не воображать монастырь. Монастырь она уже представляла себе достаточно хорошо. Мучительнее было лежать рядом с человеком, который мог утром решить, увидит ли она сына на следующей неделе.

Пётр пошевелился.

— Не спишь?

Василиса повернула голову. Он смотрел на неё, щурясь от тусклого света свечи.

— Нет.

— Давно?

— Достаточно.

— Всё думала?

— А ты?

Пётр хмыкнул и сел. Одеяло сползло с плеча. Он нашарил ногой сапог, не попал, выругался себе под нос и поднялся босиком.

Василиса наблюдала, как он идёт к умывальнику. Высокий, сутуловатый со сна, в мятой сорочке, он на несколько мгновений показался ей тем Петром, которого она иногда почти умела понимать.

Он плеснул в лицо холодной воды, фыркнул и потребовал полотенце.

— На лавке, — сказала она.

— Вижу.

Но взял его только после того, как ещё раз обернулся.

— За дверью кто?

— Аксинья.

— Знаю, что Аксинья. Спрашиваю, кроме неё кто?

— Не знаю.

Пётр вытер лицо, повесил полотенце на край умывальника.

— Велел вчера не шуметь, а у тебя небось вся женская половина с ночи на ногах.

— Не вся.

— Утешила.

Он подошёл к столу, где с вечера остался лист с именами. Василиса увидела, как Пётр машинально придавил бумагу ладонью, словно она могла улететь.

— Вставай, Дуня. Говорить будем.

Аксинья принесла тёплую воду, чистую сорочку и платье из тёмно-зелёной камки.

На Петра она почти не смотрела. Расставила вещи, прикрыла створку, из которой тянуло холодом, и подошла помочь хозяйке одеться. Обычно в это время она успевала сообщить новости женской половины: кто занемог, кому понадобились новые свечи, где служительницы опять повздорили из-за очередности работ. Сегодня ограничилась тем, что поправила ворот сорочки.

— Алексей Петрович спрашивали о вас, — негромко сказала она. — Ещё затемно. Хотели сами прийти, да я не пустила.

— Правильно.

— С Капитошкой у них нынче хлопоты. У постельничего чулок стащил, весь переход обегали.

Василиса невольно улыбнулась.

— Нашли?

— Чулок-то нашли. Только постельничий теперь требует, чтоб щенка больше в покои не пускали.

— Разумное требование.

— Алексей Петрович с ним не согласны.

Пётр, затягивавший пояс у стола, обернулся:

— Чего там?

— Капитошка отличился, — ответила Василиса.

— Опять? — Он усмехнулся. — Хоть один при твоём дворе не бумаги таскает.

Аксинья опустила глаза.

— Коли более ничего не требуется, государыня…

— Ступай, — сказал Пётр.

Она поклонилась и вышла, осторожно придерживая дверь, чтобы та не стукнула о косяк.

Василиса застегнула последний крючок у ворота.

— Хорошая у тебя баба, — заметил Пётр. — Верная.

— Да.

— Только верность бывает разная.

— Если хочешь говорить об Аксинье, говори о ней. Если обо мне — обо мне.

— Вот видишь. Ещё не начал, а ты уж оборону держишь.

— Я всю ночь ждала, что ты начнёшь.

Пётр отодвинул стул.

— Сядь.

На вчерашнем листе имена были выведены неровно, кое-где перо продавило бумагу. Возле слова «Глебов» остался длинный чернильный росчерк. Пётр сложил лист пополам, потом передумал и снова расправил.

— В монастырь не поедешь.

Василиса так долго ждала этих слов, что не сразу сумела ответить.

— Это окончательно?

Он нахмурился.

— Ты и милость мою допросить желаешь?

— Я хочу знать, проснусь ли через неделю с тем же ответом.

— Отчего с тобой нельзя по-человечески?

Василиса устало провела рукой по лицу.

— Говори, Пётр.

Он помолчал. За стеной стукнула дверь, послышались голоса служителей. Пётр дождался, пока они стихнут, и придвинул к себе лист.

— Школу твою не трону. Лечебное дело тоже оставлю. Людей учили не затем, чтоб теперь разогнать. И больным от вашего труда польза есть.

Василиса наконец смогла глубоко вдохнуть.

— Спасибо.

— Погодь благодарить.

Пётр вынул из-за пояса сложенную бумагу и расправил её на столе.

— Только отныне всё это будет под государевым надзором. Не на словах, а как положено. Расходы предъявлять, людей переписать, новые места и жалованье без моего ведома не назначать.

Он говорил коротко, поглядывая на приготовленные записи, но последнее произнёс уже без подсказки.

— Сколько у тебя при школе людей на содержании?

— Наставники, переписчики, помощники. Часть жалованье получает постоянно, другим платят за сделанную работу.

— И всё у Птицына записано?

— Всё, что касается денег. Хлебников помогает с бумагами.

— Вот пусть и приготовят книги. Я укажу, кому смотреть.

Василиса придвинула к себе бумагу. Требования были изложены не полностью: несколько строк Пётр явно собирался дополнить после разговора.

— Надобно сразу определить, кто примет отчёты, — сказала она. — Иначе книги станут носить из одного приказа в другой.

— Определю.

— А до того работа не останавливается?

— С чего ей останавливаться?

— Если новые назначения запрещены, Марфа не сможет взять помощницу, даже когда в лечебной службе людей не хватает.

— Пусть объяснит, зачем ей ещё одна. Не с потолка же жалованье брать.

— При родах иной раз ждать некогда.

— Больных лечите, кого учили — учите. А новое жалованье и должности — через приказ. Не выворачивай мои слова, Дуня.

Пётр взял бумагу обратно. На мгновение Василисе показалось, что он устал не меньше её. Под глазами у него залегли тени; он рассеянно потёр переносицу, прежде чем продолжить.

— Ты ведь сама требуешь, чтоб всякий расход записывали. Почему же мне нельзя потребовать того же?

— Можно. Я никогда не скрывала от тебя книг.

— Когда попрошу?

— Когда пожелаешь.

— А я не хочу просить.

Василиса посмотрела на него. Потом на бумагу, которую он продолжал придерживать ладонью.

— Школа объявлена государевой по твоему же решению, — сказала она. — И лечебная служба тоже.

— На бумаге государева, а люди всё к тебе бегут. Сегодня человек приходит за жалованьем, завтра ты ему место даёшь. Послезавтра он уже твой человек, потому как от тебя добро получил. Потом к нему другой идёт, третий. Ты сама знаешь, что из этого выходит.

— Знаю. Люди работают.

— Не только работают.

— За каждого, кто служит тебе, ты тоже не поручишься.

— Потому и спрашиваю с них.

— Так спрашивай с моих за сделанное.

Пётр долго смотрел на неё, опершись обеими ладонями о стол. Под правой рукой смялся край листа.

— С книг и начнём, — сказал он наконец.

Василиса хотела возразить, что книги не расскажут ему всего о людях, но удержалась. На столе лежал перечень, по которому Пётр собирался проверять их дела. Когда проверка начнётся, придётся объяснять каждую строчку.

Она вспомнила вчерашний разговор.

— А сын?

Пётр перестал поправлять лист.

— Что сын?

— Ты вчера говорил и о нём.

— Говорил.

— Что решил?

— Пока ничего.

У Василисы похолодели руки.

— Пётр…

— Не начинай. У Алексея отец есть, не одна мать.

— Я не спорю.

— Споришь. Ты ему людей подбираешь, учителей, книги. Всякий раз выходит, что лучше тебя никто не знает, чему наследника учить.

— Я не против других наставников.

— Пока их выбираешь ты.

— Смотря кого ты ему приведёшь.

Пётр коротко засмеялся.

— Вот она, моя Дуня.

Он встал, сложил вчерашний перечень и убрал за пояс. Затем поискал взглядом шапку, обнаружил её на лавке возле двери и, уже надевая, добавил:

— С Лопухиными поосторожнее. Не всякий родственник добро тебе желает.

Василиса хотела спросить, о ком именно он говорит, но Пётр не дал ей времени.

— И Глебову передай: без нужды возле тебя не вертеться. Есть служба — пусть служит. Нет — найду другую.

Она невольно сжала край скатерти.

Пётр заметил.

— Ты собираешься его наказать? — спросила Василиса.

Он задержался у двери.

— За что?

Вопрос прозвучал спокойно, и от этого стало хуже.

— Вот и я не знаю, — добавил он после паузы. — Покуда.

Дверь закрылась.

Василиса ещё некоторое время сидела неподвижно. Затем подошла к умывальнику и долго мыла руки, хотя они были чистыми.

Аксинья вошла после осторожного вопроса из-за двери.

— Что приказал?

— В монастырь не отправляет.

Она остановилась, медленно перекрестилась.

— Слава Богу.

— Пока.

— Всё равно слава Богу.

Аксинья заглянула хозяйке в лицо. Не получив ни улыбки, ни продолжения, сняла со стола вчерашнюю пустую чашу и поставила её на поднос.

— Есть будете?

— Нет.

— Будете. С вечера ничего во рту не было. Яиц подать или кашу?

— Аксинья, мне сейчас не до каши.

— Государю вашему тоже было не до сна, однако ж поспал.

Василиса невольно улыбнулась.

— Ты его защищаешь?

— Себя берегу. С голодной вами толку не добиться.

Пока служительницы готовили завтрак, Василиса рассказала Аксинье о новых распоряжениях. Та выслушала, не перебивая, только при упоминании расходных книг нахмурилась.

— Птицына надобно звать, — решила она.

— И Хлебникова.

— Обоих пошлю. А бабам при лечебном деле что сказать? Они уже спрашивают.

Слухи успели пройти по двору раньше государевых распоряжений. Одни говорили, что школу закроют, другие — что царицу отправляют прочь, третьи уверяли, будто всякая служительница, получавшая жалованье через Птицына, теперь обязана явиться на допрос.

— Я велела не слушать глупости, — сказала Аксинья. — Да разве им запретишь? У каждой дом, семья, иные от этого жалованья кормятся.

— Пусть работают. Никого не отстранили.

— Передам.

Она собралась уходить, но задержалась у ларца с перепиской.

— А личные бумаги куда девать?

— Оставь на месте. К проверке расходов они отношения не имеют.

— Государевы люди могут и не спросить, имеют или нет.

— Никто им личные письма не отдаст.

Аксинья повернулась к хозяйке.

— Вы не всякого чужого человека знаете, государыня. И я не всякого. Пока он книгу читает, иной успеет рядом заглянуть, да после не узнаешь, кто ему дозволил.

Василиса некоторое время рассматривала ларец. Здесь хранилась личная переписка, которую не следовало смешивать со школьными и лечебными делами. После вчерашнего разговора с Петром ей меньше всего хотелось, чтобы посторонние принялись разбирать её письма.

— Расходные книги подготовим отдельно, — сказала она. — Ничего скрывать не станем.

— А личные?

— Личные останутся здесь.

Аксинья кивнула. По выражению её лица Василиса поняла, что женщина не уверена, удастся ли провести эту границу, когда проверяющие явятся за бумагами.

Завтрак принесли на маленьком подносе. Аксинья сама переставила миску ближе к хозяйке и подождала, пока та возьмётся за ложку.

Только тогда ушла распоряжаться вызовом Птицына и Хлебникова.

Алексей появился, когда каша ещё стояла на столе.

Он вбежал в комнату, но у самого порога вспомнил, что возле горячей посуды носиться нельзя, и остановился так резко, что чуть не наступил на Капитошку.

Щенок проскользнул мимо и скрылся под скамьёй.

— Матушка!

— Подойди.

Мальчик подошёл, ещё раз оглянувшись на щенка.

Василиса поправила плохо завязанную тесёмку у него на вороте. Волосы после сна стояли вихрами, один чулок сполз почти к башмаку.

— Умывался?

— Да.

Она провела пальцем по тёмной полоске возле его уха.

— А это?

— Не знаю.

— В следующий раз спроси у воды.

Алексей фыркнул и потянулся за хлебом.

Василиса остановила его руку.

— Сядь сперва.

Он послушался.

Некоторое время они ели молча. Алексей старательно подбирал ложкой масло, растаявшее возле края миски, потом отложил ложку и спросил, не собирается ли мать сегодня уезжать.

Василиса объяснила, что остаётся. Он уточнил про завтра, затем про следующую неделю и, не получив столь же определённого ответа, сердито раскрошил хлеб.

— Говорили, будто вас увезут.

— Кто?

— Не помню.

— Алексей.

— Да не помню я! В переходе говорили. Я не слушал.

Последнее прозвучало настолько неубедительно, что Василиса решила не настаивать.

— Мы с батюшкой поговорили. Меня не увозят.

— Он сердился?

— Сердился.

— А теперь?

— Думаю, ещё сердится.

Алексей вздохнул с видом человека, которому прекрасно знакомы подобные обстоятельства.

— Когда он сердится, лучше ничего не спрашивать.

— Иногда спросить всё-таки приходится.

— Он тогда ещё больше сердится.

Василиса не удержалась от улыбки.

— Бывает.

Мальчик поковырял кашу. Потом, не поднимая глаз, спросил, не отошлют ли его самого. Ему уже говорили, что скоро будут другие наставники и что наследнику следует чаще находиться при отце.

— Другие наставники ещё не означают, что тебя куда-то отошлют, — сказала Василиса.

— А жить где буду?

Она не ответила сразу.

Алексей заметил.

— Батюшка решит?

— Мы ещё будем об этом говорить.

— Значит, решит батюшка.

Он отодвинул миску.

Василиса протянула руку, хотела поправить ему волосы, но мальчик увернулся.

— Я не маленький.

— Знаю.

— Тогда зачем меня всё время куда-нибудь водят? Сегодня туда, завтра сюда. Я сам могу дойти.

— До наставника, разумеется, можешь.

— И до батюшки.

— Можешь.

— А на конюшню не пускают.

Василиса удивлённо посмотрела на него.

— При чём тут конюшня?

— Говорят, без человека нельзя. А Федька туда ходит.

— Федька старше.

— На год всего!

Алексей произнёс это с таким возмущением, что спорить о разнице в возрасте было бесполезно.

— Там лошади, — напомнила Василиса. — Не всякая смирная.

— Я знаю. Я же не стану к ним под хвост лезть.

— Надеюсь.

— Федька говорит, у гнедой кобылы жеребёнок будет. Я хочу посмотреть.

Василиса представила тесный конюшенный проход, беспокойную кобылу, мальчишек, которым непременно захочется подойти поближе. Потом вспомнила, как сама в его возрасте обижалась, когда взрослые начинали перечислять опасности вместо того, чтобы ответить на простой вопрос.

— После занятий велю узнать, можно ли тебе пойти.

— Сегодня?

— Сегодня.

Алексей немедленно повеселел.

Из-под скамьи высунулся Капитошка. Мальчик украдкой опустил ему кусочек хлеба.

— Алексей.

— Он сам взял.

— Конечно.

Щенок проглотил хлеб и сел возле хозяйского башмака с видом полной невиновности.

Василиса забрала миску сына.

— Доедай и иди на занятия.

Он послушно взял ложку, однако, съев ещё немного, вдруг перегнулся через стол и обнял её за шею.

— Хорошо, что вы не уезжаете.

Она прижала его к себе. От волос мальчика пахло чистым полотном, от рубахи — теплом постели, которую он покинул совсем недавно.

— Иди, — сказала она, когда он отпустил её. — А то наставник опять скажет, что я тебя задерживаю.

— Он и так скажет.

— Вот пусть хоть не зря.

Алексей засмеялся и убежал.

Василиса проводила его взглядом, пока в переходе не стихли быстрые шаги.

Капитошка остался возле стола, внимательно обследуя пол в поисках новых крошек.

Иван Птицын приехал торопливо, с растрёпанными волосами и шапкой под мышкой. За ним вошёл Роман Хлебников, неся стопку бумаг, перетянутую шнуром.

Птицын ещё по дороге услышал, будто расходные книги велено немедленно представить государевым людям. Он уже начал собирать записи, но, выяснив, что никто не знает, куда их относить, решил сперва ехать к Василисе.

— Надобно было хотя бы списки снять, — возразил Хлебников, когда Птицын принялся рассказывать об утренней суматохе. — Подлинные книги отдадим, а после сами не узнаем, где какой расход записан.

— Когда снимать? — сердито спросил Птицын. — У меня люди по всему двору бегают, а ты хочешь переписчиков на три дня посадить.

— Не на три. Да и без списков отдавать нельзя.

Василиса выслушала обоих. После бессонной ночи голова болела, а за разговорами о разных книгах она с трудом удерживала нить. Хотелось велеть им самим разобраться с записями и оставить её наконец в покое.

Но затем Птицын заговорил о лечебной службе.

— С Марфиной помощницей плохо выходит, государыня.

Речь шла о Глаше, девушке, которую Марфа Митрофановна недавно взяла учиться при роженицах. Василиса хорошо её помнила: невысокая, с широкими красными от работы ладонями, поначалу боявшаяся одного вида крови. Во время первых занятий она так побледнела, что Поповская вывела её во двор и велела посидеть на воздухе. Глаша тогда обиделась, вернулась и попросила разрешения смотреть дальше, хотя руки у неё ещё дрожали.

С тех пор девушка изменилась. Марфа хвалила её за терпение и ловкость, а после нескольких тяжёлых случаев настояла, чтобы помощницу оставили при лечебной службе с жалованьем.

Василиса согласилась.

Теперь выяснилось, что Глаша уже вторую неделю помогает повитухам, но денег не получила. Птицын предусмотрел сумму в предстоящих расходах, однако письменное распоряжение о назначении так и не составили: собирались уточнить размер платы и оформить всё вместе с очередными изменениями в лечебном деле.

— Кто велел ей приступать к работе? — спросила Василиса.

Птицын удивился.

— Вы, государыня. Марфа её приводила, помните?

Конечно, она помнила. Девушка стояла возле двери, стиснув руки, и отвечала так тихо, что приходилось переспрашивать. Василиса тогда похвалила её и сказала Марфе не упускать способную помощницу.

— Значит, назначение уже было, — сказала она.

Хлебников покачал головой.

— На словах. Я записал, что жалованье предполагается, а распоряжения о выдаче нет.

Василиса потребовала показать записи. В книге сумма числилась среди намеченных расходов лечебной службы, но не была проведена как положенное содержание.

— Она уже работает, — возразила Василиса. — За работу положено платить. Разовую плату за прежние дни ведь можно выдать отдельно от нового назначения?

— Можно, коли известно, сколько обещано за ту работу, — ответил Птицын. — А мы тогда о месячном жалованье говорили. За отдельные дни платы не устанавливали.

— Так сосчитай по дням.

— Сосчитаю. Только кто подтвердит, что именно столько ей обещали?

Хлебников подвинул запись ближе к Василисе.

— Марфа подтвердит, сколько Глаша работала. Это верно. А вот размер платы пока нигде не записан. Перед проверкой я самовольно сумму в расход не внесу.

— Я обещала ей жалованье.

— Обещали, государыня. А сколько именно — ещё не решили.

Василиса раздражённо посмотрела на него. Ей казалось, что Хлебников нарочно цепляется к словам, когда речь идёт о небольшой плате девушке, уже приносящей пользу.

Птицын тем временем сообщил, что у Глаши дома ждут денег. На её заработок рассчитывали мать, младшие братья и сёстры, а в другом доме девушке обещали место с немедленной платой. Работу менее интересную, зато оплачиваемую.

— Марфа просила решить нынче, — добавил он. — Девку мы обучили, теперь сами же и отпустим.

Василиса велела подготовить отдельную запись о выполненной работе: пусть Марфа подтвердит дни, Птицын рассчитает возможную плату, а Хлебников укажет, на каком основании её собираются выдать. С постоянным жалованьем придётся обращаться к государю.

— Пока всё это оформим, она уйдёт, — сказал Птицын.

— А что ты предлагаешь? Выдать из казны сумму, которую мы сами ещё не установили?

Он сжал губы.

Хлебников не вмешивался. Лишь когда Василиса велела ему подготовить записи, заметил, что девушке придётся объяснить задержку.

— Пусть Марфа сама ей объяснит, — резко ответила Василиса. — Она помощницу просила.

Хлебников опустил голову.

Птицын отвёл взгляд и принялся укладывать раскрытые листы один на другой.

Василиса поняла, как это прозвучало. Марфа занималась больными, обучала девушек, дежурила ночами и теперь должна была ещё объяснять собственной помощнице, почему обещанное жалованье оказалось недоступно.

Но возвращаться к сказанному не стала.

— Что с книгами? — спросила она.

Деловая часть разговора заняла меньше времени, чем опасался Птицын. Василиса велела готовить опись подлинников, а Хлебников предложил снять списки с главных страниц, чтобы при проверке было с чем сверяться. Птицын сначала возражал из-за нехватки переписчиков, потом сам назвал двух людей, которых можно на день освободить от другой работы.

Он не скрывал недовольства. Даже когда решение было принято, продолжал ворчать, что на всякую новую бумагу приходится снимать человека с настоящего дела.

Они уже собирались уходить, когда появился государев подьячий.

Молодой человек в добротном кафтане принёс письменное подтверждение утреннего распоряжения. От его сапог тянуло уличной сыростью; возле двери он долго вытирал подошвы, опасаясь испачкать пол.

Василиса прочла бумагу. Ничего существенного к словам Петра она не добавляла.

Подьячий, однако, не ушёл после вручения.

— Мне велено спросить, государыня, не были ли после вчерашнего дня новые люди приняты на жалованье.

Василиса увидела, как Птицын перестал складывать листы.

— Новых выплат не было, — ответила она.

— А назначений?

Хлебников неподвижно стоял возле стола.

— Окончательных распоряжений не было.

Подьячий удовлетворённо кивнул. У него не нашлось больше вопросов, и он поспешил уйти, пообещав передать ответ.

Когда дверь закрылась, Птицын тихо выругался.

— Ещё книги не приняли, а уже спрашивают, кому денег дать успели.

Василиса взяла запись о Глаше и придвинула её к Хлебникову.

— Это сегодня закончите. Пусть Марфа подтвердит, что помощница ей необходима.

— А самой девке что говорить? — спросил Птицын.

— Пока пусть остаётся при службе.

— А если не захочет?

— Значит, не захочет. Насильно удерживать не станем.

Птицын больше не спорил. Забрал свою шапку и первым вышел из комнаты.

Хлебников задержался, чтобы подобрать упавший со стола лист. Василиса заметила, как тщательно он расправляет загнутый угол, но ничего ему не сказала.

К полудню над Москвой разошлись тучи.

Василиса вышла в крытый переход, соединявший женские покои с соседними комнатами. Возле одного окна кто-то оставил пучки сушёных трав. Нижние листья отсырели, потемнели и липли к подоконнику.

Она остановилась, потрогала один пучок и велела Мавре передать, чтобы травы убрали. Та сразу побежала искать служительницу, отвечавшую за сушку.

У дальнего окна сидел Алексей.

Он держал раскрытую книгу, но смотрел во двор. Рядом, положив морду ему на башмак, дремал Капитошка.

— Почему не на занятиях? — спросила Василиса.

— Наставника позвали.

Она села рядом.

Во дворе тащили длинную доску. Двое служителей ругались из-за оставленных поперёк прохода саней; от кухни тянуло печёным луком, а за стеной кто-то мерно стучал топором.

— Что читаешь?

Алексей показал страницу.

— Про старых государей. Только имена всё время путаются.

Он попытался прочитать одну строку вслух, сбился на незнакомом слове и с досадой захлопнул книгу.

— Потом разберёшься, — сказала Василиса.

— Я уже два раза читал.

— Значит, прочтёшь третий.

Алексей покосился на неё.

— У вас на всё найдётся ещё дело.

Василиса рассмеялась.

Мальчик довольно улыбнулся и вытянул ноги, разглядывая носок башмака, на котором Капитошка оставил грязный след.

— Батюшка мне однажды показывал, отчего корабль тонет, — сообщил он.

— Как?

— Взял щепку, проковырял дырку и в воду пустил. Я говорил, что маленькая дырка не страшная.

— А щепка?

— Утонула. Не сразу.

— Значит, батюшка был прав.

— Был. Только он смеялся.

Мальчик произнёс это без обиды, но сразу опустил голову.

— Все смеялись, — добавил он. — А я не знал, что она утонет.

Василиса посмотрела на сына.

— Теперь знаешь.

— Теперь знаю. Я потом другую сделал. Без дырки. И она дольше плавала.

— Покажешь?

— Покажу. Только она у Федьки осталась.

Алексей повертел книгу в руках и, будто вспомнив о самом важном, спросил:

— Матушка, а вы про конюшню узнали?

Василиса вспомнила утреннее обещание.

— Пока нет.

Алексей вздохнул.

— Вы утром говорили.

— Помню.

— А Федька сегодня пойдёт.

— Мне нужно было заняться делами. Попозже…

— Вы всегда попозже говорите.

Она повернулась к нему.

— Алексей, я же не запрещаю тебе идти. Надо узнать, кто там будет, и…

— Да я только посмотреть хочу!

Он вскочил со скамьи, отчего Капитошка проснулся и недовольно перебрался в сторону.

— Не кричи.

— Я не кричу.

— Сейчас кричал.

Мальчик насупился и прижал книгу к груди.

— Тогда не надо.

— Алексей…

Но он уже уходил, быстро и сердито ступая по доскам.

Василиса поднялась, собираясь догнать сына, однако на другом конце перехода показалась служительница. Она искала хозяйку по поручению Аксиньи: из лечебного двора принесли записку, просили ответа до вечера.

Василиса взяла бумагу и пошла обратно в свои покои.

Марфа Митрофановна писала о Глаше.

Девушка, узнав о задержке жалованья, собралась уходить. Не отказывалась ни от учения, ни от самой работы, но дома требовали денег, а другое место ей обещали с немедленной платой.

Письмо было коротким. Марфа явно писала второпях: несколько букв слились, в конце остался длинный след от пера, которое, должно быть, положили на бумагу прежде, чем просохли чернила.

Василиса перечитала его дважды.

Птицын предупреждал.

Она отодвинула записку, затем почти сразу притянула обратно. Глаша приступила к работе с её согласия. И теперь могла остаться без денег именно потому, что это согласие никто не оформил.

Василиса придвинула чистый лист и принялась писать Птицыну. Потребовала найти способ рассчитаться за отработанные дни, но вспомнила утренний разговор. Они так и не установили размер отдельной платы.

Можно было велеть выдать деньги из её личных средств.

Несколько мгновений она просидела, разглядывая написанное.

Такая выплата не погасила бы обязательства государевой лечебной службы, зато дала бы Петру ещё один повод обвинить её в том, что она содержит служащих отдельно от казённого порядка.

Василиса сердито зачеркнула строку. Чернила легли густо; бумага размокла под пером.

За дверью раздались быстрые шаги. Вошла Аксинья.

— В лечебном дворе сказали, Марфа занята. Привезли роженицу, дело трудное.

— Глаша там?

— Была днём. Теперь не ведаю.

Василиса вскочила.

— Пошли узнать, кто при Марфе остался. Поповская нынче при больных, Катерину за припасами отправляли.

Аксинья выслушала распоряжение, но с места не двинулась.

— Я человека пошлю, — сказала она. — Только Марфе сейчас, может статься, не до ответов.

— Пусть хотя бы скажет, нужна ли помощь.

— Скажет, коли нужна.

Василиса раздражённо отвернулась к столу.

— Хорошо. Пошли.

Ответ пришёл нескоро. Марфа была занята, но Глаша осталась при ней до конца работы. От завтрашнего ухода девушка пока не отказалась и требовала ответа относительно денег.

— Пусть утром придёт ко мне, — сказала Василиса.

— Глаша?

— Да.

— И что ей скажете?

На столе перед Василисой лежали два испорченных черновика, записка Марфы и раскрытая книга расходов.

— Пока не знаю.

Аксинья кивнула.

После её ухода Василиса аккуратно сложила письмо Марфы и убрала его отдельно, чтобы не затерялось среди прочих дел.

Вечером Хлебников принёс перечень книг, подготовленных к проверке.

Работы оказалось больше, чем они рассчитывали. Часть листов пришлось разыскивать у переписчиков; возле нескольких денежных выдач не оказалось пометок, кому именно переданы припасы. Роман выложил записи перед Василисой и показал места, которые ещё не успели сверить.

— Эти завтра доделаем, — сказал он. — Коли книги раньше не потребуют.

Вместе с перечнем он передал новое требование государевых людей. Теперь Пётр желал знать, кто из учеников и наставников уже умеет вести счёт, переписывать бумаги и пригоден к дальнейшей службе.

— Истомин знает, кто готов, — сказала Василиса. — Пусть завтра принесёт свои записи.

— Я ему передам.

Хлебников задержался.

— Государыня, там и о переводе людей сказано.

— Куда?

— Не указано. Только ежели лучших заберут, кто младших учить будет?

Василиса перечитала распоряжение. В школе старшие ученики уже помогали наставникам с простыми занятиями. Некоторые действительно были подготовлены к службе, но таких людей пока оставалось немного.

— Учеников завтра не приводить. Пусть Истомин сперва представит сведения. Сам и объяснит, кто к чему способен.

— Слушаюсь.

Хлебников собрал листы. По нему было видно, что распоряжение тревожит его не меньше предстоящей проверки расходов.

— А если государь пожелает людей немедленно взять? — спросил он.

— Тогда и будем решать.

Она произнесла это увереннее, чем чувствовала.

Хлебников ушёл, оставив после себя стопку неразобранных бумаг и запах сырого сукна. К вечеру воздух стал влажным; в комнате тянуло холодом, стоило открыть дверь.

Служительница принесла свечи. Василиса велела поставить их поближе к столу и принялась просматривать перечень Истомина, который хранился отдельно.

Она успела прочитать несколько строк, когда вошла Аксинья.

— Государыня, Алексей Петрович спать ложатся. Спрашивали, придёте ли.

Василиса подняла голову.

— Уже?

— Поздно, государыня. Он сперва книгу читал, потом всё к двери прислушивался. Я велела постель готовить.

— Скажи, что сейчас приду.

Аксинья кивнула, но не уходила.

— Что ещё?

— От государевых людей приходили. Назначили, кому завтра книги сдать.

Она положила возле подсвечника сложенную бумажку с именем дьяка и временем, к которому надлежало представить документы.

Василиса узнала имя, хотя самого человека прежде почти не встречала.

— До полудня? — спросила она.

— Так сказали.

Она взяла перечень Хлебникова. Опись ещё не была закончена, а к нескольким записям прилагались листы, которые предстояло найти у переписчиков.

— Пошли за Хлебниковым.

— Он только ушёл.

— Догони. Пусть возвращается.

Аксинья задержалась у двери.

— Государыня, вы к Алексею обещали.

— Я помню.

— Он вас ждёт.

Василиса положила ладонь на раскрытую книгу.

— Я ненадолго. Передай, что приду, как освобожусь.

Аксинья ещё мгновение постояла, потом поклонилась и вышла.

Василиса попыталась сама составить недостающую часть описи. На второй книге обнаружилась запись без имени получателя, пришлось искать прежнюю ведомость. Она просмотрела несколько листов, всё больше досадуя на собственную усталость, и наконец отложила книгу.

Через некоторое время заглянула Мавра.

— Государыня, Алексей Петрович спрашивают, идти ли вам навстречу.

— Нет. Пусть ложится. Я приду.

Мавра поклонилась.

— Сказать, скоро?

Василиса посмотрела на незаконченный перечень.

— Скажи, как освобожусь.

Когда служительница ушла, Василиса снова раскрыла книгу. Нужная запись оказалась не там, где она её искала. Она уже собралась послать за другим перечнем, когда в коридоре послышались быстрые шаги.

Хлебников вернулся, запыхавшийся, с бумагами под мышкой.

— Что, много ещё? — спросил он, увидев стол.

— Опись не готова. И здесь листов не хватает.

Роман придвинул книгу ближе и быстро просмотрел записи.

— Не листов не хватает, государыня. Их дважды сочли. Вот этот вложен позднее, а приписка относится к прежнему расходу.

Он показал маленькую помету у края. Василиса почувствовала досаду: она успела потратить на поиски столько времени, а Хлебников нашёл причину почти сразу.

— Сможем закончить к утру?

— Коли никто больше не придёт, сможем.

Он сказал это без улыбки.

Василиса велела принести ещё свечей, а затем отправила служительниц спать. Оставила только одну в соседней комнате, чтобы было кому принести воды и позвать людей, если понадобится.

Роман снял кафтан, аккуратно сложил его на лавке и сел к столу. Проверил очиненное перо, разложил чистые листы и придвинул к себе первую книгу.

Работали медленно. Чернила на старых страницах кое-где расплылись, приходилось сопоставлять записи и осторожно разбирать исправления. Хлебников привык к такому труду. Он сидел, низко склонившись над бумагой, и почти не поднимал головы, только время от времени подсыпал песок на свежие строки.

Василиса сверяла написанное с перечнем. Через некоторое время у неё заболела шея, а пальцы стали плохо слушаться. Пришлось отложить перо и размять руку.

В коридоре скрипнула доска.

Она подняла голову, ожидая увидеть Аксинью или Мавру, но за дверью никто не появился.

Василиса вспомнила, что так и не зашла к Алексею.

Его покои были недалеко. Можно было пройти по переходу, посмотреть, спит ли он, поправить одеяло, если сбросил. Роман занимался очередной записью и едва ли заметил бы её отсутствие.

Она посидела ещё немного, прислушиваясь к тишине за дверью. Затем придвинула к себе следующую книгу и открыла её на странице, которую предстояло сверить.

Хлебников закончил переписывать строку, подсыпал на неё песок и попросил показать прежнюю ведомость.

Василиса нашла нужное место. Одну запись сделали при получении полотна со склада, другую — когда его передали в лечебную службу.

— Так и напиши, — сказала она.

Роман потянулся за чистым листом.

За стеной давно стихли разговоры. Только изредка доносились шаги ночного служителя, да потрескивал фитиль в подсвечнике.

Василиса придвинула к себе очередную книгу. Несколько строк удалось сверить быстро, затем обнаружилась ещё одна неясная помета. Роман поднял глаза, дождался, пока она найдёт нужное место, и продолжил переписывать.

Когда ближайшая свеча догорела, Василиса зажгла от неё новую, подтянула к себе очередную книгу и продолжила сверку.

Глава 2. Вопросы

Утром Василису разбудили не сразу.

Сначала она услышала голоса за дверью. Одна женщина просила подождать, другая отвечала, что люди уже прибыли и требуют книги. Потом что-то упало, раздалось приглушённое ругательство, и голоса стихли.

Василиса открыла глаза.

За ставнями было светло. На соседнем столике стояла нетронутая чаша с водой, рядом лежала сложенная накануне шаль. Она не помнила, как добралась до постели. Ночью Хлеб-

ников ушёл лишь после того, как они закончили опись, а она ещё какое-то время проверяла записи, хотя цифры уже расплывались перед глазами.

Дверь осторожно приоткрылась.

— Государыня?

— Входи, Аксинья.

Аксинья Тимофеевна внесла одежду и поставила её на лавку. Вид у неё был такой, словно утро началось с чужой глупости, которую пришлось терпеть исключительно из уважения к государевой службе.

— Птицын приехал. Хлебников с ним. И за книгами явились.

— Давно?

— Достаточно, чтобы один подьячий успел дважды потребовать вас разбудить.

— И что ты?

— Объяснила, что на женской половине он распоряжаться не станет.

Василиса села, спустила ноги на холодные доски.

— Аксинья, он ведь за книгами пришёл.

— Вот пусть книги и принимает. Государыню будить я сама умею.

Она подала сорочку и помогла разобраться с завязками. По двору уже тянуло кухонным дымом, где-то скрипели колёса, ругались возчики. Служительницы за дверью переговаривались вполголоса, но, едва Аксинья окликнула их, заговорили громче и поспешили по своим делам.

— Алексей встал? — спросила Василиса.

— Давно. У наставника.

— Вчера сердился?

Аксинья разгладила складку на рукаве.

— Ждал вас. Я сказала, что с бумагами задержались.

— А он?

— Книгу под подушку убрал и лёг. Не сразу уснул.

Василиса потянулась за поясом.

— Сегодня надо с ним поговорить.

— Поговорите, — согласилась Аксинья.

Она ничего не прибавила и занялась воротом платья.

Назначенный принимать книги дьяк оказался невысоким мужчиной с узким лицом и тщательно подстриженной бородой. Звали его Савва Андреевич. Фамилию Василиса прежде слышала, но вспомнить, при каком деле, не сумела.

Он ожидал в комнате, куда обычно допускали людей с хозяйственными просьбами. Возле стола стояли Птицын и Хлебников. Двое подьячих расположились ближе к двери, положив между собой кожаный мешок для бумаг.

Книги приготовили ещё ночью. Переплёты были потёрты, у одной из книг пришлось укрепить отставший корешок. На столе лежала отдельная опись; возле названий Хлебников указал число листов и отметил приложенные записи.

Савва Андреевич поклонился.

— По государеву указу велено принять расходные книги школы и лечебного дела, а также сведения о состоящих при них людях.

Он говорил ровно, не повышая голоса и не изображая особой строгости. Осмотрел стол, попросил опись и передал её подьячему. Тот принялся сверять названия и число листов.

Хлебников стоял рядом, наблюдая, как чужие руки перелистывают книгу, которую он сам не раз разбирал после небрежных переписчиков.

Один подьячий слишком резко потянул страницу.

— Осторожнее, — не выдержал Роман. — Переплёт слабый.

— Я бумаги не впервые держу.

— Вижу.

Птицын кашлянул, отвернувшись к окну.

Савва Андреевич поднял голову, но ограничился тем, что велел подьячему не торопиться. Затем спокойно согласился принять книги по описи и выдать подтверждение. Василиса ожидала, что за каждую отметку придётся спорить, а дьяк даже не спросил, зачем им понадобилось столько переписывать.

Пока готовили запись о приёме, он просмотрел приложенный перечень служащих.

— Здесь наставники, лекарские люди, переписчики. А кто ещё по вашим поручениям ходит?

Птицын, до того следивший за книгами, обернулся.

— По каким поручениям?

— Что до школы и лечебного дела касается. Кто людей приводит, деньги собирает, припасы принимает, бумаги относит.

— Это всё у нас записано.

— Не всё, — возразил Савва Андреевич. — Здесь названы те, кому содержание положено. А я спрашиваю и о тех, кто без постоянного жалованья помогает.

Василиса протянула руку за перечнем.

— Например?

— К примеру, женщина, которая ездит по домам договариваться об обучении. Или человек, через которого вы велите привезти припасы. Коли они дело исполняют, надобно знать, к кому обращаться.

— Не каждый, кто приносит просьбу, состоит при учреждении.

— Верно, государыня. Потому и прошу различить.

Дьяк говорил так, будто обсуждал обычный недостаток записей. Ни недовольства, ни подозрения в голосе не было.

Он даже не требовал немедленного ответа. Сделал отметку возле перечня и продолжил работу с книгами.

Василиса ещё раз посмотрела на имена.

Список составляли по жалованью и постоянным обязанностям. Но школа давно не ограничивалась только наставниками и учениками, а лечебная служба — повитухами и помощницами. Были женщины, которые приводили новых учениц, находили семьи, готовые принять лекарскую помощь, передавали просьбы из домов, куда Василиса сама не могла приехать.

Некоторым она поручала дела лично. Другие действовали через знакомых, и порой Василиса узнавала об их участии только после того, как работа была сделана.

— По делу школы и лечебной службы дополнительные сведения представим отдельно, — сказала она.

Савва Андреевич кивнул.

— Коли так, государыня.

Он сложил перечень и убрал к принятым книгам.

Когда подьячие закончили сверку, Савва Андреевич велел составить расписку с перечислением принятых документов. Подьячий записал названия книг, сверил их с описью и передал лист Хлебникову.

Роман немедленно принялся проверять запись.

Савва Андреевич не торопил его. Дождался, пока тот закончит, после чего поклонился и отправился к выходу.

Ни о монастыре, ни о вчерашнем разговоре супругов, ни о чьём-либо особом положении дьяк не упомянул ни словом.

Птицын проводил его взглядом.

— Вот и отдали.

Он сказал это с таким видом, будто книги увезли навсегда.

Хлебников ещё раз посмотрел на расписку.

— Сколько можно смотреть? — не выдержал Птицын.

— Пока ошибки не найду.

— А если не найдёшь?

— Тогда уберу.

Василиса слушала их вполуха.

На столе остался перечень, который Савва Андреевич велел дополнить. Она провела пальцем по последней строке, затем сложила лист.

После ухода государевых людей комната быстро вернулась к обычному виду, только на столе остались светлые прямоугольники там, где ещё утром лежали книги.

Птицына ждали поставщики полотна. Он торопливо собирал оставшиеся записи, попутно ворча, что теперь для сверки каждого прежнего расхода придётся обращаться к выпискам.

Хлебников возражал: выписки на то и сделаны, чтобы без подлинных книг не останавливать работу. Но сам он всё время проверял расписку, будто опасался обнаружить пропущенное название.

О Глаше вспомнили уже у двери.

Марфа Митрофановна подтвердила дни, отработанные девушкой. Птицын подготовил расчёт возможной разовой платы, а Хлебников — запись, отделявшую прежнюю работу от ещё не утверждённого постоянного жалованья.

— Девка ждать не обещала, — сказал Птицын, укладывая бумаги.

— Я с ней поговорю.

Этого оказалось достаточно. Птицын ушёл заниматься поставщиками, а Хлебников забрал выписки.

Василиса задержалась возле стола. Рядом с перечнем служащих лежал чистый лист, предназначенный для тех, кто помогал учреждениям без жалованья.

Она взяла перо, но не успела написать ни одного имени.

Пришёл Истомин.

Он привёл с собой мальчика, который нёс две тяжёлые папки, перевязанные шнуром. Пока наставник раскладывал записи, ученик стоял у двери, стараясь держать спину прямо. Василиса узнала одного из старших воспитанников, часто помогавшего переписывать учебные листы.

— Отнеси остальное обратно, — велел Истомин, забрав у него последнюю папку. — И скажи, чтоб без меня не начинали новое упражнение.

Мальчик поклонился и поспешил прочь.

Истомин заметил, что Василиса смотрит ему вслед.

— Способный, — сказал он. — Только торопится.

— Считать умеет?

— Умеет. Пока ошибётся, успеет три раза уверить, что всё сделал верно.

Василиса улыбнулась.

Наставник принёс сведения об учениках, которые уже могли помогать с перепиской, счетами и обучением младших. Он разложил записи не по возрасту и не по тому, сколько лет каждый посещал занятия. Возле имён стояли замечания об успехах и недостатках.

— Здесь написано, что Наталья Сезинцева может разбирать сложные записи, — заметила Василиса.

— Может. Но пока лучше рядом с наставником. Ей иной раз кажется, что она уже всё поняла, и тогда начинает исправлять чужое прежде, чем дочитает.

— А Юлия Борисова?

— Та осторожнее. Сначала всё переспросит, зато потом делает без ошибки.

Истомин хорошо помнил своих учеников. Одну девушку хвалил за терпение с младшими, другую пока не советовал допускать к переписке важных бумаг, хотя почерк у неё был едва ли не лучше всех.

Про мальчика, который только что унёс папки, он сказал особенно строго:

— В приказ его сейчас возьмут — через неделю станут жаловаться, что ошибки делает. А он у меня ещё учится. Год спустя, может, лучшего счётчика не сыскать.

— Государю нужны сведения о тех, кого можно определить к службе.

Истомин отложил свой список.

— Тогда пусть знают и то, к чему человек ещё не готов. Написать имя нетрудно. После за него спрашивать станут с другого.

Василиса прочла замечание возле имени мальчика.

«Продолжать обучение».

— Оставь, как написал, — сказала она.

Наставник удовлетворённо собрал бумаги.

Он уже собирался уходить, когда в переходе раздались повышенные голоса.

Женский голос Василиса узнала сразу.

— Я не впервые к государыне приезжаю. А вы меня у дверей держите, будто имени моего не слыхали!

Истомин задержался у порога.

Василиса вышла следом за ним.

У дальнего конца перехода стояла Татьяна Александровна Ртищева. Накидка её была влажной после дороги, лицо раскраснелось от холода и раздражения. Перед ней находился государев служитель, которого Василиса уже видела возле Петра.

Рядом стоял ещё один человек, державший запись тех, кто проходил по хозяйственным делам.

Накануне сюда свободно пропускали знакомых женщин. Сегодня порядок изменился: после начала проверки велели отмечать посетителей, приходивших с денежными и иными просьбами по делам школы и лечебной службы.

Служитель не имел права задерживать всякого гостя царицы, но Татьяна Александровна сама сказала, что приехала разбираться с денежными выдачами. Этого ему оказалось достаточно, чтобы потребовать подтверждения от хозяйки.

— Что случилось? — спросила Василиса.

Ртищева повернулась к ней с облегчением.

— Государыня, я уж думала, до вечера здесь простою.

Служитель поклонился.

— Велено объявлять тех, кто по вашим делам проходит. После нынешнего указа.

— Она ко мне приехала.

— Сказывают, с бумагами о денежных выдачах.

Ртищева вскинула голову.

— А вам до моих бумаг какое дело?

— Мне велено спрашивать.

Служитель не пытался отнять бумаги и не требовал, чтобы посетительница уехала. Он просто ждал подтверждения, что её следует пропустить.

— Пропускай, — сказала Василиса.

— Записать, что по вашему слову?

Она посмотрела на запись у него в руках.

— Записывай.

Служитель отошёл в сторону. Ртищева подобрала полы накидки и прошла мимо него, больше не удостоив взглядом.

Уже в комнате она шумно выдохнула.

— Вот ведь придумали! Я к вам по делу еду, а там разбирают, можно ли мне с вами говорить.

— Проходите, Татьяна Александровна. Согрейтесь сначала.

Ртищева присела возле печи и сняла перчатки. Пальцы у неё покраснели от холода. Мавра принесла воды, предложила тёплого питья; гостья сперва отказалась, но потом попросила чашу.

Пока она отогревалась, Василиса успела отправить Истомина со списками и велеть передать их Хлебникову.

Татьяна Александровна приехала по просьбе двух женщин из служилых семей. Через знакомых Евдокии им уже обещали помощь, но человек, который прежде передавал деньги, теперь отказывался делать это без нового разрешения. Средства были собраны частным образом, однако он опасался, что государевы люди начнут спрашивать и о них.

— Я ему так и сказала: деньги-то не его, — сердито рассказывала Ртищева. — Люди дали вдовам. К чему теперь удерживать?

Она привезла не только записи. Одной женщине сама передала часть необходимого из собственных средств, другой обещала найти помощь до конца недели. Но собственных денег не хватало, а человек, державший остаток, требовал подтверждения прежнего распоряжения.

— Он, видно, решил, что проще никому ничего не давать, — сказала Ртищева. — Тогда и спрашивать не за что.

Василиса взяла привезённую записку. На одном листе было всё, что требовалось для проверки обещаний. Она знала эти семьи, помнила, почему им помогали, и без труда могла подтвердить прежнее решение.

— Пусть Птицын разберёт, где хранятся деньги. Если они собраны для этих женщин, не нужно ждать разрешения по школьным расходам.

Ртищева заметно оживилась.

— Так ему и передать?

— Передай. Только попроси не смешивать эти суммы с казёнными.

— И прежде не смешивали.

— Знаю. Но теперь придётся показывать особенно тщательно.

Татьяна Александровна покачала головой.

— Я к вам прежде могла приехать, всё рассказать, вы бы велели, и дело пошло. А нынче и на пороге спрашивают, и деньги не дают, и Птицын занят. Вы уж извините, государыня, но людям от этого не легче.

Василиса не нашла возражения.

Она подтвердила прежнее назначение помощи и попросила Ртищеву передать запись человеку, у которого оставались деньги. Но заранее обещать, что тот немедленно их выдаст, не стала.

Ртищева ещё немного посидела, рассказала о дороге, о домашних, о женщине, которую навестила накануне. Когда собралась уходить, оказалось, что накидка не успела высохнуть. Мавра принесла другую, поплотнее, чтобы прикрыться до кареты.

— Свою вам потом вернут, — сказала Василиса.

— Да у меня дома ещё есть. Только впредь надо заранее знать, кому объявляться.

Она произнесла это уже без прежнего раздражения.

Проводив гостью, Василиса вернулась в комнату. На столе лежала записка о помощи вдовам. Рядом — школьные перечни, оставленные Истоминым.

Она позвала Мавру и велела отправить запись Птицыну.

Говорить с ним самой больше не стала.

После полудня Аксинья принесла список женской половины.

Василиса сперва удивилась: Савва Андреевич не требовал полного перечня дворовых женщин. Он спрашивал о тех, кто помогал школе и лечебной службе без постоянного жалованья.

— Зачем столько? — спросила она.

— Чтобы самим не путаться, кого куда записывать, — объяснила Аксинья. — У нас одна женщина бельём заведует, а иной раз лекарское полотно принимает. Другая при покоях служит, да ещё письма по школьным делам относит. Коли всех по отдельности вспоминать, непременно кого забудем.

Она составляла список с утра, ещё до приезда дьяка. Никто не велел ей переписывать весь женский двор. Аксинья хотела разобраться, кого можно назвать служащим при проверяемых учреждениях, а кто имеет совсем другие обязанности.

Это были её рабочие записи, не предназначенные для передачи государевым людям. Поэтому Аксинья называла обязанности так, как привыкла говорить о них сама, не подбирая осторожных выражений для чужого чтения.

Василиса устроилась у окна. Дневной свет позволял читать без свечи, хотя возле нижнего края листа Аксинья писала мелко.

Список был длинный. Здесь значились женщины, отвечавшие за бельё, одежду, покои, приём посетительниц, сопровождение хозяйки и передачу хозяйственных распоряжений.

Мавра. Маргарита Степановна. Несколько молодых служительниц, принятых в последние годы. Те, кто постоянно жил при дворе, и те, кто появлялся по необходимости.

Возле каждого имени Аксинья отметила обязанности, а там, где женщина помогала школе или лечебной службе, сделала особый знак.

Отдельно перечислила людей, исполнявших поручения без постоянного места при женском дворе. Из этого перечня предстояло выбрать тех, о ком спрашивал Савва Андреевич.

Среди них Василиса увидела Аграфену Никитичну Трифонову.

Против её имени Аксинья написала: «По особым поручениям государыни».

— Что это? — спросила Василиса.

— Аграфена Никитична.

— Я вижу. Почему здесь?

— Вы просили разобраться, кто помогает по вашим делам.

— Она не состоит при женском дворе.

— Постоянно не состоит.

Василиса провела пальцем по строке.

— И жалованья от нас не получает.

— Не получает.

— Тогда зачем ты её внесла?

Аксинья удивилась.

— А Аграфена разве не служит?

Они смотрели друг на друга через стол. За окном гремели тележные колёса, во дворе кто-то перекликался с конюхами.

Аксинья не выглядела смущённой. Она прекрасно понимала, о ком шла речь.

Аграфена не была обычной служительницей. Она приходила с известиями, выполняла поручения, разговаривала с женщинами, к которым Василиса не могла обратиться прямо. Иногда ездила с письмами, иногда привозила сведения о чужих делах. У неё была своя жизнь, свой круг знакомых, и далеко не каждое её появление при дворе имело отношение к хозяйству.

Некоторые поручения касались школы. Другие — людей, которые помогали Евдокии в совершенно иных обстоятельствах.

Аксинья записала то, что знала.

— Убери её, — сказала Василиса.

Аксинья помолчала.

— Из этого перечня?

— Да.

— Как скажете.

Она взяла бумагу, но не сразу свернула.

— Только государевы люди не одним жалованьем интересуются.

— Я слышала.

— И Аграфену Никитичну многие при вас видели.

— Она не относится к твоему ведомству, Аксинья.

— Слушаюсь.

Аксинья аккуратно сложила листы и вышла.

Василиса осталась у окна.

Аграфена действительно помогала ей и в делах школы, и за её пределами. Можно было велеть разделить поручения, обозначив только те, которые относились к государевым учреждениям. Тогда сведения соответствовали бы требованию Саввы Андреевича.

Вместо этого Василиса потребовала убрать имя целиком.

К вечеру Глаша всё-таки пришла.

Василиса ожидала увидеть робкую ученицу, которую Марфа когда-то приводила после первых занятий. Вместо неё вошла усталая девушка в простом тёмном платье. Руки были вымыты, но возле ногтей остались следы работы, которую не всегда удаётся смыть одной водой. На щеке виднелась тонкая царапина.

Она поклонилась неловко, задержавшись возле двери.

— Подойди, Глаша.

Девушка приблизилась и села только после повторного приглашения, на самый край скамьи.

— Марфа говорит, ты хорошо работаешь.

— Стараюсь, государыня.

— Вчера при тяжёлых родах была?

Глаша кивнула. От напряжения её лицо сначала стало совсем серьёзным, потом вдруг осветилось улыбкой.

— Мальчик родился. Мы уж думали, не закричит. А он как заорёт…

Она осеклась и смущённо опустила голову.

— Значит, всё хорошо? — спросила Василиса.

— Теперь хорошо. Матери тяжело было, Марфа Митрофановна всю ночь возле неё оставалась.

Глаша заговорила свободнее. Рассказала, как держала младенца, пока Марфа занималась роженицей, как боялась выронить скользкое тёплое тельце. Руки у неё сами показывали движения, которым обучали в лечебной службе.

Потом она заметила, что Василиса смотрит на неё, и снова сложила ладони на коленях.

— Мне сказали, ты собралась уходить.

Улыбка исчезла.

— Да, государыня.

— Работа не нравится?

— Нравится.

— Тогда почему?

Глаша потёрла пальцем шов на рукаве.

— Дома деньги нужны. Мать сказала, коли платы нет, надо другое место искать.

В другом доме ей обещали работу при детях и по хозяйству. За неё готовы были платить сразу. Глаша объясняла это спокойно, без попыток вызвать жалость. Она не спорила с Марфой, не обвиняла Птицына, не требовала у царицы особой милости.

— За прежнюю работу тебе должны заплатить, — сказала Василиса. — Птицын уже готовит выдачу. Но постоянное жалованье пока не утверждено.

— Когда заплатят?

— Не могу обещать сегодня.

Глаша подняла голову.

— А завтра?

— Тоже пока не знаю.

Девушка опустила глаза.

Василисе хотелось объяснить, какие бумаги готовит Хлебников, почему новая проверка требует осторожности и сколько людей зависит от правильного оформления расходов. Она даже начала говорить о разнице между платой за выполненную работу и постоянным содержанием, но остановилась, заметив, что Глаша слушает всё более растерянно.

— Я не хочу уходить, государыня, — сказала девушка.

— Понимаю.

— Я вчера с младенцем была. Он сперва совсем тихий лежал. Марфа велела растирать, я растирала. Я думала, ничего у меня не выйдет.

Она запнулась и улыбнулась — уже не робко, а с гордостью.

— А потом он закричал. И Марфа сказала, что я всё сделала как надобно.

Василиса не сразу ответила.

— Сумела, значит.

— Сумела.

Глаша опустила глаза.

— Только дома за это хлеба не дадут.

После этих слов Василиса больше не стала убеждать её подождать ради будущего дела.

— За прежнюю работу постараемся рассчитаться скорее. А постоянное место обещать сейчас не могу.

Девушка кивнула.

Ни благодарности, ни упрёка не последовало.

— Если решишь уйти, скажи Марфе заранее, — добавила Василиса.

— Скажу.

Глаша поднялась, поклонилась и вышла.

Василиса ещё какое-то время смотрела на закрытую дверь. Потом притянула бумагу Хлебникова и сделала на полях помету, чтобы утром первым делом узнать, что решено с выплатой.

Перед ужином появился Алексей.

Он вошёл спокойно, с книгой под мышкой, и сперва оглядел стол, словно проверяя, найдётся ли для него свободное место.

— Матушка, можно?

— Конечно.

Он сел на скамью, положил книгу на колени и почти сразу сообщил, что сегодня был на конюшне.

Василиса удивилась.

— Кто разрешил?

— Наставник. Я спросил, можно ли с Федькой и его человеком.

Алексей говорил быстро и с удовольствием. У гнедой кобылы, оказывается, ещё не родился жеребёнок, зато конюх позволил посмотреть, как чистят копыта. Мальчик уверял, что совсем не боялся стоять рядом, хотя кобыла всё время переступала ногами.

— И не лез к ней? — спросила Василиса.

— Я же не глупый.

Он рассказал ещё о старом конюхе, который обещал показать жеребёнка, когда тот родится, и уже собирался перейти к следующему событию, когда вспомнил:

— А батюшка сегодня велел мне прийти.

Василиса отложила бумагу.

Пётр говорил с сыном о кораблях, мастерах и людях, которые умеют работать руками. Алексей пересказывал услышанное с неожиданным воодушевлением. Особенно ему понравилось, что отец пообещал научить его вырезать маленькую лодку из дерева.

— Он мне нож дал, — сообщил мальчик.

— Какой нож?

— Маленький. И сказал без него не трогать.

Василиса представила острое лезвие в детских руках.

— Надеюсь, послушаешься.

— Конечно. Он же сам покажет.

Алексей помолчал, затем подвигал книгу по коленям.

— Матушка, а вы вчера почему не пришли?

Она посмотрела на сына.

— Задержалась с бумагами.

— Я ждал.

— Знаю.

— Аксинья сказала, вы заняты.

— Так и было. Прости, я обещала и не пришла.

Он пожал плечами.

— Я потом уснул.

Алексей произнёс это без жалобы. Василиса предложила после ужина посидеть вместе, но мальчик посмотрел на лежавшие перед ней бумаги.

— У вас ещё работа?

— Есть немного.

— Тогда лучше завтра.

— Мы можем и сегодня.

— А Федька обещал показать нож, который ему отец подарил.

Он уже собирался встать, но задержался, ожидая её разрешения.

— Иди, — сказала Василиса.

— А вы не сердитесь?

— За что?

— Что я с Федькой пойду.

Она улыбнулась.

— Не сержусь.

Алексей вскочил, но у двери остановился и обернулся:

— Матушка, вы ведь тоже можете посмотреть, когда жеребёнок родится.

— Могу.

— Только надо у конюха спросить. Он лучше знает.

Василиса засмеялась.

— Договорились.

Мальчик убежал.

Она вернулась к бумагам, но ещё долго слышала его оживлённый голос в переходе. Алексей что-то рассказывал одному из служителей, явно повторяя историю о подаренном ноже.

Поздно вечером Аксинья принесла исправленный список женской половины.

Переписала его набело, аккуратно разделила женщин по обязанностям и приложила отдельный лист с теми, кто помогал школе и лечебной службе не постоянно.

Первоначальный черновик она оставила среди своих рабочих бумаг. Составляя новый перечень, Аксинья не привыкла уничтожать старые записи: иной раз именно по ним приходилось вспоминать, почему имя внесли в одну ведомость, а не в другую.

Теперь перед Василисой лежал чистовой вариант.

Аграфены Трифоновой в нём не было.

Василиса просмотрела запись, затем спросила, отправили ли к ней человека.

— Отправили. Завтра придёт, коли дома будет.

— Хорошо.

Аксинья не уходила.

— Что ещё?

— Государевы люди нынче о ней спрашивали.

Василиса подняла голову.

— Об Аграфене?

— Да. Тот подьячий, что вчера бумагу приносил. Спросил, бывает ли Аграфена Никитична у вас и по какому делу.

— И что ты ответила?

— Что бывает. По разным делам. Коли им подробнее надобно, пусть у неё самой спросят.

— Он что?

— Записал.

Василиса медленно положила список на стол.

— Имя сам назвал?

— Сам.

— Откуда он о ней знает?

— Не спрашивала.

Аксинья произнесла это без всякой насмешки.

— Может, кто видел, как она приезжала. Может, уже прежде о ней справлялись. Не ведаю.

Василиса перечитала ту часть списка, где оставались непостоянные помощницы. Аграфены среди них не было, и теперь её отсутствие нельзя было объяснить случайной забывчивостью.

— Когда придёт, сразу проведи ко мне, — велела она. — Без ожидания с остальными посетительницами.

Аксинья кивнула.

— Слушаюсь.

Она направилась к двери, но остановилась.

— Государыня, вы ведь сами велели её убрать.

Василиса выдержала её взгляд.

— Помню.

— Я только хочу, чтобы вы знали: ежели спросят, отчего её нет в списке, мне придётся ответить.

— Ответишь, что она не состоит при женском дворе.

Аксинья поклонилась и ушла.

Василиса осталась за столом. Исправленный список лежал перед ней, чистый, аккуратный, без единой помарки.

Она взяла другой лист и написала Аграфене короткую записку, попросив прийти завтра как можно раньше. Не стала объяснять причину.

Сложила бумагу, запечатала и велела Мавре передать Аксинье для отправки с надёжным человеком.

На этот раз ждать до утра не стала.

Следующим утром Аграфена Никитична не пришла.

За завтраком Аксинья сообщила, что посыльный вернулся поздно. Дома Аграфены не оказалось, а когда она вернётся, никто не сумел сказать.

Василиса слушала, держа ложку над миской.

Посыльного приняли домашние, записку обещали передать, но ни времени возвращения, ни места, куда уехала хозяйка, назвать не смогли.

— Пошли ещё раз после полудня, — сказала Василиса. — Только без шума.

Аксинья кивнула.

Аграфена могла уехать по собственным делам. У неё имелись знакомые и родственники; иногда она пропадала на день-другой, не считая нужным объяснять свои поездки.

Но обычно, если Василиса просила её прийти, ответ передавали достаточно быстро.

— И государевым людям об этом не говори, — добавила Василиса.

Аксинья задержала на ней взгляд.

— Они не спрашивали, где она нынче, государыня.

— Вот и хорошо.

Василиса взяла ложку.

Каша успела остыть.

Глава 3. Кузьма Нарышкин

Кузьма Нарышкин не любил приезжать ко двору без приглашения.

Не потому, что боялся отказа. В его положении можно было пережить и отказ, и недовольство, и даже дурное расположение государя. Хуже было другое: оказаться там, где тебя уже ждали с вопросом, на который ты ещё не придумал ответа.

Утром он получил письмо от сестры.

Она писала о нездоровье младшей дочери. Девочка второй день лежала с горячкой, почти не ела и плакала, когда мать пыталась поднять её с постели. Сестра просила прислать хорошего лекаря, а ещё лучше — приехать самому. В конце, уже после обычных поклонов домашним, интересовалась, правда ли, что государь велел переписать всех людей при царицыной школе.

Последний вопрос занимал всего две строки.

Кузьма перечитал их трижды.

Сестра жила не при дворе. Если распоряжение успело дойти до неё, значит, по Москве уже рассказывали нечто гораздо более занимательное, чем проверка расходных книг.

Он позвал своего человека, велел разыскать лекаря, которому доверял, и отправить к сестре с запиской. В ней потребовал немедленно сообщить, стало ли девочке лучше и нет ли других заболевших в доме. Потом распорядился узнать, кто в последние дни приезжал к Евдокии Фёдоровне и что говорят о новом порядке на женской половине.

Пока посыльные собирались, Кузьма занялся обычными домашними делами. Подписал две бумаги, выслушал жалобу приказчика на задержанные платежи и отказал дальнему родственнику, который в очередной раз просил поручиться за его долг.

Родственник обиделся.

— К другим-то вы добрее, сударь.

— Другие мне четырежды не обещали рассчитаться к осени.

— Нынче обстоятельства переменились.

— У тебя они всякую осень меняются.

Кузьма велел проводить его, после чего приказал принести счётную книгу. Долги родственника оказались больше, чем тот признавал. Отказывать было неприятно, но поручительство могло обернуться расплатой для всей семьи.

К полудню вернулся человек, отправленный за дворцовыми новостями.

При государыне, по его словам, появлялись служители, подьячие, люди из школы и лечебного дела. Приезжала Татьяна Ртищева. Расходные книги государевы люди уже приняли. По переходам теперь ходили не совсем так, как прежде: иной раз спрашивали имя и причину посещения.

При расспросах о людях, бывавших у царицы, кто-то из знакомых служителей упомянул и Аграфену Трифонову: её несколько дней не видели. Человек Кузьмы не придал этому особого значения, но всё же попытался узнать, не уехала ли она из Москвы. Определённого ответа тогда не получил.

Один из служителей сообщил и другое: будто царицу собирались отправлять в монастырь, но государь передумал.

— Кто сказал? — спросил Кузьма.

Человек назвал знакомого служителя. Тот слышал от другого, а дальше след терялся.

— Значит, про монастырь ты ничего не знаешь.

— Сам не знаю, сударь. Так люди говорят.

— Вот и говори впредь, что люди болтают, а не что государь распорядился.

Он велел оставить прочие расспросы. Узнать, кто приезжал к Евдокии, было полезно; добиваться от дворцовых людей тайных сведений о её делах — совсем другое. Если государю донесут, будто Нарышкины уже собирают вокруг царицы собственных соглядатаев, объясняться придётся не одному Кузьме.

Он развернул письмо сестры.

Лекаря отправили, но ответа о девочке ещё не было. Теперь можно было ехать ко двору.

Кузьма распорядился готовить карету.

Дорога оказалась скверной.

Ночью подморозило, к утру отпустило, и колёса то вязли в размокшей грязи, то подпрыгивали на жёстких колеях. Возле торговых рядов пришлось задержаться: два воза с дровами сцепились осями, возчики ругались, а прохожие протискивались между лошадьми, стараясь не замарать подолы.

Кузьма отдёрнул занавеску.

Впереди мальчишка лет десяти тащил длинную жердь. Другой, постарше, пытался помочь, но больше мешал. Из лавки вышел торговец, крикнул на обоих и едва не поскользнулся на обледеневшем крыльце.

Кузьма усмехнулся.

Пока возчики возились с телегами, он вспомнил утреннего родственника. Тот наверняка уже рассказывал кому-нибудь, что Нарышкин зазнался и отказывает своим. Через несколько дней просьба вернётся от другого лица, возможно, такого, которому отказать окажется труднее.

С дворцовыми делами часто выходило похоже. Сначала человек приходил с просьбой, затем находил того, кто согласится за него похлопотать, а к концу недели первоначальный отказ начинал выглядеть оскорблением целого семейства.

Только при дворе за подобные обиды расплачивались дороже.

Наконец дровяные возы развели, и карета тронулась.

У ворот царских покоев Кузьму узнали не сразу. Молодой служитель спросил имя и велел подождать, пока доложит старшему.

Кузьма не спорил.

Вернувшись, служитель поклонился гораздо ниже прежнего.

— Пожалуйте, сударь.

Кузьма выбрался из кареты. Парень старательно отводил глаза — должно быть, уже получил выговор.

— Ты недавно здесь? — спросил Нарышкин.

— Третью неделю, сударь.

— Тогда выучи тех, кто часто бывает при дворе. Люди не любят, когда их заставляют дважды представляться.

— Слушаюсь.

Кузьма пошёл дальше.

Служитель не сделал ничего дурного. Исполнил обязанность, и всё же за одну лишнюю остановку уже успел попасть в неприятность. Кузьма знал немало знатных людей, которые принялись бы бранить его с порога. От такого выговора парень запомнил бы лицо обидчика, но вряд ли научился бы лучше служить.

Во дворе он встретил Бориса Куракина.

Тот выходил из бокового перехода, сопровождаемый молодым родственником. Оба были одеты для поездки; Куракин держал перчатки в руке и явно собирался уезжать.

Увидев Нарышкина, остановился.

— Кузьма Иванович.

— Борис Иванович.

Они поклонились друг другу.

Разговор начался с дороги и погоды. Куракин пожаловался на грязь возле рядов, Кузьма рассказал о дровяных возах. Потом осторожно спросил, часто ли Борис Иванович нынче бывает при дворе.

— По надобности, — ответил тот.

— А у царицы?

Куракин не сразу натянул перчатку.

— Давно не был.

Кузьма знал, что после смерти Ксении Фёдоровны прежняя семейная близость Куракина с домом Лопухиных уже не могла оставаться такой же простой. Но Борис Иванович не был человеком, который отказывался бы от полезных связей только потому, что переменились домашние обстоятельства.

— Государыня, говорят, занята проверкой своих дел, — сказал Кузьма.

— Приходилось слышать.

— Как полагаете, надолго?

Куракин пожал плечами.

— Пока государю будет угодно.

— Удобный ответ.

— Верный.

Он наконец надел перчатку.

— Говорят, государь взялся разбирать царицыны дела. Не грех проверить, куда деньги идут.

— Не грех, — согласился Куракин. — Только после разбора иной раз вещи уже по-другому складывают.

— Вы чего опасаетесь?

— Я? Ничего.

Кузьма не поверил.

— Тогда отчего к государыне не заходите?

Куракин посмотрел на него внимательнее.

— А вы всякого, кто к ней не заходит, станете спрашивать?

— Не всякого.

— Ну вот.

Куракин слегка улыбнулся, но веселья в улыбке не было.

— Мне нынче собственные дела надобно устроить. Довольно с меня чужих.

Он поклонился на прощание и направился к карете.

Кузьма проводил его взглядом.

Борис Иванович прежде не упускал случая напомнить о своих связях с царской семьёй. Теперь предпочитал, чтобы его не видели слишком часто возле Евдокии. Возможно, дело заключалось всего лишь в собственных хлопотах. Кузьма знал о них недостаточно и не собирался угадывать.

Но услышанное помогло ему принять одно решение: просить Куракина выступить вместе с Нарышкиными он не станет. По крайней мере сейчас.

Ни к чему собирать союзников прежде, чем станет ясно, ради чего их собирают.

Петра Кузьма застал за работой.

Государь стоял у большого стола, на котором лежали чертежи, деревянные дощечки и железные детали. Возле него находились двое мастеров. Один объяснял, как следует укрепить соединение, другой держал образец.

— Не так, — сказал Пётр, когда мастер закончил. — Ты мне показываешь, как сделано. А я спрашиваю, отчего ломается.

Мастер принялся объяснять снова.

Кузьма остановился у двери.

Пётр заметил его, но сперва дослушал объяснение, затем сам взял железную деталь, повернул, попробовал согнуть и велел принести другой образец.

Лишь после этого подошёл к гостю.

— Кузьма? Чего приехал?

— С государем повидаться, коли время найдётся.

— Найдётся. Только недолго.

Пётр вернулся к столу. Кузьма последовал за ним.

Он не разбирался в тонкостях мастерового дела, но видел, что края соединения расходятся, а одна заклёпка сидит криво.

— Плохо держится, — заметил он.

Пётр довольно хмыкнул.

— Вот и я говорю.

— А мастер что?

— Мастер уверяет, будто так надобно.

— Тогда пусть собственные деньги на такую работу поставит. Сразу иначе заговорит.

Пётр рассмеялся.

— Тебе бы всё деньгами мерить.

— А чем ещё, государь? Когда железо ломается, кому-то за новое платить.

Пётр отложил деталь. Один из мастеров немедленно взял её обратно, показал товарищу место, на которое царь указал пальцем, и они принялись спорить между собой.

— Говори, чего хотел, — сказал Пётр.

Кузьма не стал начинать с разговоров о монастыре. Слух мог оказаться ложным, и повторять его самому государю значило бы дать тому повод решить, что Нарышкины только этим и заняты.

— По Москве беспокоятся о царицыной школе. Не всякий понимает, кому теперь обращаться за делами.

Пётр поморщился.

— Уже и до тебя дошло?

— Дошло.

— Книги смотрят. И людей переписывают. Давно пора.

Он отвернулся к мастеру, который принёс новый образец. Проверил соединение, велел переделать выступавший край и лишь после этого снова заговорил:

— Я ведь не школу закрыть велел, Кузьма. Другое меня заботит. Сейчас у неё Птицын расходы ведёт, Истомин учит, бабы лекарским делом занимаются. Всё хорошо, пока Дуня за ними смотрит.

— А после?

Пётр положил образец на стол.

— Вот именно.

Он выпрямился.

— А ежели завтра её здесь не станет? Кому они служить будут?

Кузьма не ожидал такого вопроса.

Он приготовился услышать жалобу на царицыну самостоятельность, на родственников Лопухиных, на людей, которые благодарят государыню больше, чем царя. Вместо этого Пётр говорил о том, что останется после неё.

— Люди умеют работать, — ответил Кузьма.

— Умеют. Только кому деньги просить? Кто им жалованье назначит, новых людей поставит, старых спросит? Я хочу, чтоб дело без Дуни стояло. Сегодня она есть, завтра занеможет или уедет, а школа всё равно должна работать.

Пётр взял со стола деревянную дощечку, приложил к ней железное соединение. Деталь не подходила, и он раздражённо бросил её обратно.

— Сколько раз видел: один хороший человек всё на себе держит. Потом человека нет — и дело развалилось.

Кузьма смотрел, как Пётр снова зовёт мастера.

Такой взгляд на царицыны учреждения был опаснее простой семейной ссоры. Если Пётр добьётся своего, школе уже не понадобится Евдокия для ежедневного распоряжения. А когда дело сможет обходиться без неё, всякий, кто прежде искал помощи у царицы, начнёт задумываться, к кому теперь следует идти.

Однако государь мог быть прав и в другом. Люди болеют, умирают, теряют расположение. Кузьма сам не раз видел, как хорошее хозяйство приходило в упадок после смерти владельца.

— Тогда надобно, чтобы те, кто работает, знали новый порядок, — сказал он. — Пока они только слышат, что книги забрали.

— Узнают. Савва разберёт расходы, потом назначим, кому отвечать.

Пётр присел возле стола, рассматривая образец снизу.

— А Дуню я не обидел. Пусть занимается, чем прежде. Только распоряжения государевы должны быть государевыми.

Кузьма хотел спросить о будущем Алексея, но Пётр уже позвал мастера и принялся показывать ему, где следует изменить соединение. Разговор оборвался сам собой.

Нарышкин не стал возвращать его к Евдокии. Он уже услышал достаточно.

Уходя, Кузьма дождался, пока Пётр вновь обратит на него внимание.

— Государь, коли станут людей по новым местам распределять, пусть не забывают, кто на чьём содержании был. Иной человек за чужое жалованье поручился, иной своих в обучение отправил.

Пётр коротко взглянул на него.

— Боишься за своих?

— За них тоже.

— Своих не обижу, коли исправно служат.

Кузьма не стал спрашивать, кого именно государь считает «своими».

Пётр проводил его к двери на несколько шагов, но у порога задержал.

— К Дуне пойдёшь?

— Думал зайти.

— Передай, чтобы людей не прятала.

Кузьма остановился.

— Каких именно, государь?

Пётр нахмурился.

— Не всех назвали, кто ей по делам помогает. Мне Савва сказал. Пусть полный перечень дадут. Не желаю по каждому человеку отдельно выспрашивать.

— Передам, — сказал он.

Пётр кивнул и вернулся к мастерам.

Кузьма вышел.

Во дворе было сыро. С крыши стекала талая вода, возле крыльца служитель сдвигал грязную солому в сторону. Кузьма остановился под навесом, натягивая перчатки.

Теперь он понимал, чего добивается государь.

Не понимал другого: насколько далеко тот собирается зайти, если Евдокия станет сопротивляться.

На женскую половину Кузьма направился без лишних расспросов.

У перехода его остановили, попросили назвать причину посещения. Он сказал, что пришёл к государыне по семейному делу, и этого оказалось достаточно. Служитель послал спросить, примут ли его, но не стал записывать в число посетителей школы или лечебного двора.

Кузьма подождал, пока вернётся ответ.

Впрочем, ожидание затянулось.

Пока он стоял у окна, мимо дважды прошли служительницы со свёртками белья. Затем появился юный переписчик, явно заблудившийся в переходах, и принялся спрашивать дорогу. Служитель отправил его обратно, указав нужную дверь.

Кузьма наблюдал за этим с растущим недовольством. Вчера он ещё счёл бы новый порядок обычной государевой осторожностью. Теперь, после разговора с Петром, видел, что люди уже начинают перекладывать решения друг на друга, лишь бы не отвечать за неверный допуск.

Наконец за ним пришла Аксинья Самохвалова.

— Кузьма Иванович.

— Аксинья Тимофеевна.

Они поклонились друг другу.

— Государыня примет. Только сейчас у неё женщина из лечебного двора. Надобно немного подождать.

— Подожду.

Аксинья проводила его в комнату, где обычно ожидали знакомые люди. Там было тепло, пахло сушёными яблоками и свежим полотном.

Кузьма снял перчатки.

— Говорят, у вас нынче много хлопот.

— У кого их мало?

— Государевы люди расспрашивают?

— Расспрашивают.

— И много узнают?

Аксинья посмотрела на него.

— Что им велено, то и узнают.

— А что не велено?

— Тогда пускай не спрашивают.

Кузьма рассмеялся.

— Всё такая же.

— А вы всё любите спрашивать, Кузьма Иванович.

Она вышла.

Кузьма некоторое время смотрел на закрытую дверь.

От Аксиньи он не узнал почти ничего. Зато выяснил, что она не намерена доверять ему только потому, что он знатен и знаком с государыней.

Он не обиделся.

Сам поступил бы так же на её месте.

Василиса приняла его за столом, на котором уже лежали бумаги.

Увидев Нарышкина, поднялась.

— Кузьма Иванович. Не ожидала.

— Я и сам не думал нынче приезжать.

Он поклонился и заметил, что она выглядит усталой. Под глазами залегли тени, а на рукаве осталась едва заметная чернильная полоска.

— Дурно спали?

— Последние две ночи.

— Вижу.

Она предложила сесть. Кузьма положил перчатки рядом и начал с того, ради чего действительно собирался к ней приехать.

— У сестры младшая девочка с горячкой лежит. Лекаря я отправил, да сестра просит ещё помочь. Говорит, у вас при лечебной службе хорошие женщины есть, за больными умеют смотреть.

Василиса сразу посерьёзнела.

— Сколько дней болеет?

— Второй. Может, третий. Сестра неясно написала.

— Остальные дети здоровы?

— Пока да.

— Пусть больную держат отдельно, насколько возможно. И лекарь посмотрит, нет ли признаков заразной болезни. По письму я ничего определённого сказать не могу.

Она спросила ещё о горячке, кашле и сыпи, но Кузьма смог ответить лишь на часть вопросов.

— Если лекарь сочтёт нужным, пришлём из лечебной службы опытную помощницу, — сказала она. — Только прежде надобно узнать, чем девочка больна.

— Благодарю.

Он убрал письмо сестры обратно за пазуху.

Василиса помедлила.

— Вы ведь не одной племянницей заняты.

— Не одной.

Кузьма рассказал, что был у Петра. Не пересказывал всего разговора, но передал главное: государь не намерен закрывать учреждения, зато хочет устроить их так, чтобы они могли работать независимо от личных распоряжений Евдокии.

Она выслушала это без удивления.

— Он мне говорил.

— Знаю. Но я хотел сам понять, чего он добивается.

— И поняли?

— Отчасти.

Кузьма не стал утверждать больше.

Василиса смотрела на него внимательно. Он почувствовал, что она ждёт чего-то ещё, возможно, обещания заступничества. Но обещать он не собирался.

— Пётр велел передать, — сказал Кузьма, — чтобы людей не прятали. Ему не понравилось, что в поданных сведениях названы не все помощники школы и лечебной службы.

Она резко подняла голову.

— Так и сказал?

— Передать велел. Но об именах при мне не говорил.

Василиса встала и подошла к окну.

Некоторое время Кузьма ждал, не понимая причины её молчания.

— У вас с этими списками затруднение? — спросил он.

— Есть человек, о котором государевы люди уже справлялись.

— Кто?

— Аграфена Трифонова.

Кузьма знал это имя. Трифонова появлялась при дворе, была знакома с некоторыми людьми из окружения Евдокии, иногда помогала в семейных и хозяйственных делах. Но с кем она встречалась помимо этого, он представлял плохо.

— Что им от неё понадобилось?

— Не знаю. Подьячий назвал её по имени, хотя в списке её нет.

— А где она сама?

— Не могу найти.

— Давно?

— Со вчерашнего дня. Вчера послала за ней, а дома никого не оказалось, кто мог бы сказать, когда вернётся.

Кузьма нахмурился.

Отсутствовать один день было обычным делом. Сам он порой уезжал по семейным хлопотам, не оставляя каждому знакомому подробного отчёта о дороге.

Но Василиса выглядела тревожнее, чем требовали обстоятельства.

— Вы полагаете, с ней что-нибудь случилось?

— Ничего не полагаю. Я хочу узнать, где она.

Он посмотрел на её руки. Она стояла возле окна, сжимая пальцами край рукава.

— Аграфена служит при школе?

— Постоянно нет.

— А поручения исполняет?

— Иногда.

— Тогда могут спросить, почему её не назвали.

Василиса отвернулась от окна.

— Вы тоже станете меня расспрашивать, Кузьма Иванович?

Он почувствовал раздражение.

У Петра ему пришлось осторожно подбирать слова, чтобы не дать государю повода заподозрить родню в сопротивлении. Здесь, у Евдокии, выходило почти то же самое, хотя он приехал по собственной воле.

— Я спрашиваю, потому что не знаю, — ответил он. — А вы, видно, знаете больше, чем говорите.

— Не всё, что мне известно, относится к государевым делам.

— Верю.

Он поднялся и взял перчатки.

Василиса обернулась.

— Уже уходите?

— Не хочу превращать разговор в допрос. Вы мне ничего объяснять не обязаны.

Она некоторое время молчала, потом вернулась к столу.

— Простите. Я устала.

Кузьма сел обратно. Ему не понравилось, что он так быстро рассердился. Обычно выдержки хватало на гораздо более неприятные беседы.

— Я приехал не отнимать у вас людей, Дуня.

Она подняла на него глаза.

Он позволил себе привычное обращение лишь после того, как она сама заговорила с ним мягче.

— Тогда чего хотите?

— Понять, не придётся ли моим домашним вскоре отвечать за чужие решения.

— Вашим?

— Моим. И тем Нарышкиным, которые к государю ходят, и тем, кто от двора далеко живёт.

Василиса ждала продолжения.

Кузьма вынул из-за пояса сложенную записку. Это был черновик письма, которое он собирался отправить одному из родственников, помогавшему несколько раз собирать припасы для лечебной службы.

— Вот здесь люди моего дома собирали деньги и полотно. По вашей просьбе. Если завтра спросят, кто велел и на каком основании, отвечать придётся мне. А я даже не знаю, считают ли теперь подобную помощь частью государева дела.

Он положил записку на стол.

— Я не желаю отказываться от того, что обещал. Но и превращать каждое своё пожертвование в доказательство, будто Нарышкины держат отдельный двор возле царицы, не стану.

Василиса внимательно прочла несколько строк.

— Эти деньги собирались для больных. Они не давали вам никаких назначений или власти.

— Знаю. Только знать это нам с вами недостаточно.

Он подождал, пока она вернёт записку.

— Я на стороне Нарышкиных, — сказал Кузьма. — Не против вас и не против государя. Но если мне придётся выбирать между семейным обязательством и чужой ссорой, сначала позабочусь о своих.

Василиса отодвинула бумагу.

— Я не прошу выбирать.

— Потому и могу говорить с вами прямо.

Он не был уверен, что она согласилась. На мгновение в её лице появилось выражение, которое Кузьма уже видел у других людей, ожидавших от него помощи: будто отказ ещё не прозвучал, но надежда уже стала меньше.

— Государь желает, чтобы работа шла без вашего ежедневного вмешательства, — добавил он. — Может статься, это и к лучшему для самой школы.

— Пока вмешиваться приходится во всё, — устало ответила Василиса. — Даже в то, кому заплатить за уже сделанную работу.

Она не стала рассказывать подробности, и Кузьма не спросил.

В соседней комнате раздался стук, затем чей-то быстрый шёпот. Василиса повернула голову, прислушалась, но никто не вошёл.

Кузьма вспомнил собственные хозяйственные книги и человека, который утром просил поручиться за долг. Если бы он стал разбирать каждый чужой расход, ему давно пришлось бы отказаться от собственных дел.

Он оставил записку возле Василисы.

— Передайте Птицыну, пусть объяснит, как теперь оформлять наши пожертвования, чтобы не было вопросов. Удобнее сделать это сейчас, пока никто не начал обвинять друг друга.

Василиса кивнула.

— Передам.

Она хотела ещё что-то сказать, но остановилась.

Кузьма не стал настаивать.

Они простились спокойнее, чем говорили последние полчаса. Василиса обещала узнать о болезни племянницы через лекаря и помочь, если понадобится человек из лечебной службы.

Это было обещание, которому он верил.

Остальное оставалось неясным.

В переходе Кузьма столкнулся с Хлебниковым.

Роман нёс под мышкой несколько свёрнутых листов. Увидев Нарышкина, остановился и поклонился.

— Роман, ты ведь при государыне книги ведёшь?

— Веду, сударь.

— Много нынче хлопот?

— Хватает.

Кузьма хотел спросить, не знает ли тот чего-нибудь об Аграфене, но передумал.

Молодой подьячий отвечал за бумаги, а не за поездки придворных знакомых. Расспросы о Трифоновой от Нарышкина могли сделать её имя ещё заметнее.

— Государевым людям книги все передали? — ограничился он.

— Все, какие велено. По описи.

— А копии у вас остались?

— Не все. Что могли, переписали.

— Тогда берегите оставшееся. Без записи нынче и правому человеку оправдаться трудно.

Хлебников посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Бережём, сударь.

Кузьма кивнул и пошёл дальше.

Роман остался стоять с бумагами, а затем направился к покоям царицы.

Нарышкин не стал оборачиваться.

У ворот его догнал молодой человек из домашних.

Он ждал возле кареты, но, едва увидел хозяина, выступил вперёд.

— Сударь, из дома весть.

Кузьма остановился.

— От сестры?

— Нет. От нашего человека, что утром о царицыном дворе расспрашивал. Ему тогда сказали, будто и Трифоновой несколько дней не видали. Он принялся выяснять, правда ли, а ответ передали только сейчас.

Кузьма нахмурился.

— Я велел прекратить расспросы.

— Он прежде успел, сударь.

Кузьма отошёл ближе к карете, пропуская мимо двух служителей с тяжёлым свёртком.

— Говори.

— Аграфена Никитична вчера вечером уехала из дому. Сказала, будто к родственнице. А карету, похожую на её, видели на дороге к Преображенскому.

— Кто видел?

Человек назвал возчика, знакомого одному из домашних. Тот якобы узнал карету по лошадям и обивке, но самой Трифоновой не разглядел.

— Значит, не знаем, была ли она там, — сказал Кузьма.

— Не знаем, сударь.

— И откуда возчик узнал, к кому она собиралась?

— Из её дома будто говорили.

Кузьма недовольно поморщился.

Слишком много «будто» для одного известия.

Он попытался восстановить время. Если Аграфена уехала вчера вечером, то посыльный Василисы уже мог не застать её дома. Утром царица узнала об этом от Аксиньи. Сообщение не противоречило известному ему, но и ничего не доказывало.

Карету могли спутать. Самой Аграфены никто не видел.

— Больше никого не расспрашивать, — велел он.

— Слушаюсь.

Кузьма собирался садиться, но остановился.

— От сестры вести не было?

— Пока нет.

Это тревожило его сильнее рассказа возчика.

— Как приедем, первым делом узнай, не прислали ли ответа. И если лекарь оттуда вернётся, сразу ко мне.

Он устроился в карете. Молодой человек хотел забраться следом, но Кузьма остановил его.

— Поедешь с кучером. Мне надо подумать.

Карета тронулась.

Преображенское само по себе ничего не доказывало. Туда ездили по разным причинам. Если Аграфена действительно направилась в ту сторону, она могла навещать знакомых, выполнять поручение или заниматься собственными делами.

Кузьма не знал ни причины её отъезда, ни того, кто первым заинтересовался её отсутствием.

У царицы он мог бы оставить короткую записку о слухе. Мог послать человека обратно, пока карета ещё не выехала со двора.

Но тогда пришлось бы объяснять, откуда у него сведения. И почему люди Нарышкина расспрашивают о женщине, которая выполняет поручения Евдокии.

Кузьма достал из-за пояса письмо сестры и перечитал последние строки.

О болезни девочки она написала мало. О придворных слухах — ещё меньше.

Он сложил письмо, убрал обратно и постучал в переднюю стенку кареты.

— Домой, — велел кучеру. — И без остановок.

Говорить о Трифоновой он пока никому не собирался.

Глава 4. Карта

Василиса велела принести два листа бумаги.

Хлебников, вошедший с утренними записями, сперва решил, что она собирается переписывать перечень людей, помогавших школе. Он положил принесённые бумаги на стол, достал из-под них чистый лист и потянулся за пером.

— Не эти, Роман. Два больших листа, — сказала Василиса. — И чернила оставь.

Хлебников оставил чистые листы и вышел.

Она подвинула первый лист и написала наверху: «Надёжные».

На втором — «За Петром».

Перечитала оба слова и отложила перо.

Вчера после ухода Кузьмы Нарышкина она собиралась заняться списком расходов, но вместо этого долго сидела за столом, вспоминая людей, с которыми разговаривала в последние недели. Нарышкин уверял, что стоит на стороне своего рода. Птицын работал как прежде, хотя уже не мог свободно распоряжаться деньгами. Куракин не приезжал. Государевы люди расспрашивали об Аграфене, которой так и не удалось передать записку лично.

Каждый случай по отдельности ещё можно было объяснить. Вместе они складывались в порядок, которого Василиса пока не понимала.

Она вновь взяла перо.

Первым написала имя Аксиньи Самохваловой.

Потом задержалась.

Аксинья служила ей давно. Знала её привычки, могла возразить без страха и не нуждалась в постоянных объяснениях. Недавно она предупредила, что исключение Аграфены из списка может обернуться неприятностями. А затем выполнила распоряжение, с которым была не согласна.

Разве не так поступает надёжный человек?

Василиса оставила имя.

Следом записала Птицына и Хлебникова. Против каждого хотелось сделать помету. Птицын отвечал за деньги и людей; если государь окончательно переподчинит учреждения, Ивану придётся выбирать не столько между Петром и Евдокией, сколько между прежним способом работы и возможностью продолжить дело. Хлебников же скорее поссорится с любым начальником, чем согласится переписать неверную цифру.

Она усмехнулась.

Трудно было представить Романа участником политического заговора. А вот человеком, который в самый неподходящий момент предъявит подлинную запись, — очень легко.

Василиса окунула перо в чернильницу, намереваясь дописать его имя, когда за дверью послышались шаги.

Аксинья появилась прежде, чем Василиса успела закончить.

Она принесла ответ из дома Аграфены Трифоновой. Посыльного снова приняли домашние, но самой хозяйки по-прежнему не оказалось.

— Записку передали? — спросила Василиса.

— Первую оставили ещё вчера. Нынче сказали, что лежит у неё в комнате.

— Значит, Аграфена домой не возвращалась.

— Может, и возвращалась, государыня. Мне этого не сказали.

Аксинья расстегнула тёплую накидку. По подолу тянулась узкая полоска грязи — должно быть, пришлось пересекать двор после дождя.

— Кто ездил?

Она назвала человека из прислуги.

Василиса знала его давно. Он не был особенно разговорчив и редко приносил известия сверх порученного.

— Больше не посылай его одного. Пусть с кем-нибудь из знакомых Аграфены поговорят. Только не у дверей и не при посторонних.

Аксинья выслушала распоряжение, затем заметила лежавшие на столе листы.

— Что это у вас?

— Людей разбираю.

— Каких?

Василиса подвинула бумаги.

Аксинья прочла заголовки.

— «Надёжные», — произнесла она. — «За Петром». И куда же меня положили?

— В надёжные.

— Благодарствую.

Она сказала это настолько сухо, что Василиса подняла голову.

— Не нравится?

— Мне-то что. Только странная выходит запись.

— Почему?

— Да вот Роман Хлебников. Он вам верно служит. А коли государь ему велит верную книгу составить, он и государю так же верно составит. И что теперь, в два списка его писать?

Василиса не ответила.

Аксинья прочла имена внимательнее.

— А Головин где?

— Ещё не дошла.

— Дойдёте — тоже подумайте. Он государев человек, а не ваш. Только ведь и вас не всякому в обиду даст.

— Ты считаешь, это одно другому не мешает?

— Когда как.

Аксинья подошла к окну, поправила зацепившуюся за гвоздь занавеску.

— Иное дело — человек вас любит. Иное — за вас перед государем спорить станет. А иное — исполнит ваше слово, пока государь другого не приказал.

Василиса посмотрела на исписанный лист.

— Знаю.

— Тогда зачем всех вместе собирать?

— Чтобы видеть, на кого могу положиться.

— В каком деле?

Василиса открыла рот и закрыла его.

Действительно, в каком?

Она могла доверить Птицыну хозяйство, но не всякую тайну. Хлебникову — документы, но едва ли разговор с человеком, от которого нужно скрыть истинную причину просьбы. Кузьме Нарышкину — семейное поручение, однако вчера он достаточно ясно объяснил, что не собирается принимать на себя политические обязательства ради неё.

Аксинья, должно быть, заметила её замешательство, но ничего не сказала.

— Оставь меня, — попросила Василиса.

— Слушаюсь.

У двери Аксинья задержалась.

— Аграфене ещё раз передам, что вы зовёте. Только если она по своим делам уехала, не думаю, что стоит весь двор поднимать.

— Не поднимай.

Аксинья вышла.

Василиса перечитала написанное.

На первом листе стояли три имени. Второй оставался пустым.

Она зачеркнула оба заголовка, положила листы под стопку старых писем и взяла чистую бумагу.

К полудню на новом листе появилось несколько столбцов.

Василиса не стала придумывать им названия сразу. Сперва выписала дела, с которыми ей предстояло разбираться: школа, лечебная служба, деньги, назначения, переписка, люди при дворе. Под каждым оставила место для имён.

Постепенно обнаружилась неудобная вещь: одни и те же люди попадали сразу в несколько столбцов.

Птицын занимался расходами, но через него проходили поставщики, учителя, помощницы Марфы Митрофановны. К нему же обращалась Ртищева, когда требовалось разобраться с частной помощью вдовам. Хлебников вёл книги, составлял выписки и мог подтвердить, какое распоряжение было отдано, но сам не решал, на что тратить деньги.

Истомин отвечал за школу и учеников, однако теперь его сведения интересовали не только Василису. Государь хотел знать, кого из воспитанников можно определить к службе.

Василиса соединила имена Птицына и Хлебникова тонкой чертой. Возле неё написала: «Расходы. Описи».

От Истомина провела линию к школе, а рядом отметила: «Подготовка учеников. Государев запрос».

Потом взялась за дворянские фамилии.

Нарышкины. Голицыны. Куракины. Долгоруковы. Шереметевы. Апраксины. Головины.

О Нарышкиных — достаточно, чтобы не считать их единым целым. Кузьма прямо говорил о собственных интересах. У него были родственники, имущество, обязательства перед домашними. Некоторые люди его дома участвовали в сборе денег и полотна для лечебной службы. Это было делом, за которое он отвечал, но не обещанием выступать на стороне царицы при любом споре с Петром.

От имени Кузьмы провела линию к Птицыну: тот должен был разобраться, как учитывать пожертвования. Рядом поставила небольшой вопросительный знак. Прежние средства собирались для больных, но новый порядок их оформления ещё не был определён.

Следом записала Бориса Куракина.

С ним было сложнее. Его прежняя семейная связь с Лопухиными через Ксению Фёдоровну была ей известна, однако после смерти Ксении отношения не могли оставаться прежними. Куракин не приезжал и не высказывался ни за неё, ни против. Вносить его в число сторонников только из-за родства было бы неразумно.

Головин занимал другое положение. Он был близок к государевым делам, а значит, через него проходили сведения и решения, к которым у Василисы не было прямого доступа. Но она знала его не только как человека Петра и не собиралась приписывать ему враждебность за одну лишь службу государю.

Голицыных было много. Долгоруковы не составляли единого двора. Апраксины и Шереметевы имели собственные служебные связи. Где-то отношения определялись браком, где-то — давней дружбой, где-то — подчинением и полученным назначением.

На старых географических картах, которые ей доводилось видеть, города соединяли дорогами и реками. Здесь вместо дорог были браки, жалованье, служебные назначения, письма и просьбы.

После обеда пришёл Птицын.

Он появился без обычной своей оживлённости, положил на стол несколько записей и попросил прежде всего посмотреть дело Глаши.

— Марфа всё подтвердила. За прежнюю работу расчёт готов. Только выдачу пока задерживают.

— Девушке сказали?

— Сказали. Сегодня она ещё была при Марфе, завтра обещала прийти. А дальше не знаю. Ей в другом доме место держат недолго.

Василиса вспомнила Глашу, сидевшую на самом краю скамьи и рассказывавшую о младенце, который наконец закричал.

— Передай Марфе, что я разрешаю Глаше уходить, если она решит. И пусть выдачу за прежнюю работу доведут до конца, даже если девушка уже будет в другом доме.

Птицын посмотрел на неё с некоторым удивлением.

— Так и сказать?

— Так и скажи.

Он записал распоряжение.

Потом заметил бумаги с именами.

— Новая работа?

— Для себя.

Птицын не стал читать. Он вообще не любил заглядывать в чужие записи без разрешения, хотя иногда делал это по необходимости.

— Государыня, а с нашими благотворителями что решать будем? Кузьма Иванович передал записку. И другие люди присылали деньги и припасы. Ежели всё это государевы люди начнут пересчитывать, надобно сперва самим знать, что кому принадлежит.

— Составь отдельную запись. Частные пожертвования не смешивать с тем, что выдавали из казны.

— Я уже начал.

Он достал ещё один лист.

Василиса улыбнулась.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы потом не сказали, будто Птицын самовольно придумал новый порядок.

— Если государь захочет узнать, кто его придумал, скажи, что я утвердила.

Иван убрал лист.

— Скажу.

Он ещё некоторое время рассказывал о поставках, о полотне, которое привезли не того качества, и о человеке, пытавшемся получить плату дважды. Василиса выслушала, но не стала разбирать каждую мелочь. Птицын решил оба вопроса сам и сообщил ей уже о сделанном.

— А с деньгами для вдов, о которых Ртищева приезжала? — спросила она.

— Я послал к человеку, что их держит. Велел представить запись, от кого получено и кому назначено. Он обещал показать, только выдавать пока не берётся.

— Почему?

— Боится, что с него ещё раз спросят, когда государевы люди придут.

— Значит, одного моего подтверждения ему оказалось мало.

— Выходит, так.

Птицын не выглядел удивлённым. Похоже, иного ответа он не ожидал.

— А Татьяна Александровна?

— Ей передали, что дело не забыто. Она сама ещё кое-что женщинам собрала.

Василиса посмотрела на сделанные им пометки.

— Что предлагаешь?

— Прежде выяснить, сколько денег действительно осталось у того человека. Потом уже думать, как выдавать. Иначе получится, что мы распоряжаемся суммой, которой сами не видели.

— Делай.

Птицын собрал бумаги, попросил разрешения прислать вечером уточнённую запись и ушёл.

Василиса ещё некоторое время держала перед собой его лист. В нём уже были отделены казённые средства от частных пожертвований, отмечены люди, через которых проходили деньги, и указано, какие выдачи задерживаются.

Птицын начал эту работу без её подсказки.

Она нашла на своей карте его имя и дописала рядом: «Частная помощь — Ртищева, Нарышкины».

Линию к Ртищевой провела отдельно. Татьяна Александровна не служила при лечебном дворе и не зависела от Птицына в своих собственных решениях. Но теперь их действия пересекались в одном деле — помощи служилым вдовам.

Получилась первая связь, которой на карте не было утром.

Под вечер Василиса велела принести старые письма.

Не все. Только те, в которых говорилось о знакомствах, брачных переговорах, местах службы и просьбах о назначениях. Хлебников, получив распоряжение, прислал часть записей через Мавру, а затем пришёл сам с вопросом, насколько давние бумаги нужны.

— За последние три года, — сказала Василиса.

— Тогда всё не принесу. У нас часть в другом ларце лежит, по прошлым делам.

— Завтра достанешь.

Роман заметил разложенные листы, но не пытался заглянуть.

— Имена переписываете?

— Да.

— Если понадобится сравнить с прежними назначениями, скажите. Не всё по памяти верно получается.

— Знаю. Потому и попросила письма.

Он собрался уйти, но Василиса остановила его:

— Роман, ты давно при мне служишь?

Хлебников явно не ожидал вопроса.

— Достаточно, государыня.

— А если завтра тебе велят перейти к другому начальнику?

Роман поправил рукав.

— Коли велено будет, перейду. Только бумаги передам сперва по описи.

Василиса невольно улыбнулась.

— Даже в таком случае?

— А как иначе? После не докажешь, что у кого осталось.

Она отпустила его.

Когда дверь закрылась, Василиса придвинула к себе карту. Возле имени Хлебникова уже стояло: «Книги. Записи. Описи».

Она ничего не прибавила.

Вечером Алексей не пришёл.

Она узнала, что мальчик после занятий отправился к Федьке. Наставник разрешил им побыть вместе до ужина, и Алексей передал, что сегодня вернётся позднее обычного.

Василиса сперва хотела послать за ним, потом передумала.

Накануне он сам предложил встретиться завтра. Она согласилась, но не назначила времени. Теперь оказалось, что у него появились собственные планы.

Аксинья, заметив её колебание, спросила, велеть ли мальчику возвращаться.

— Нет. Пусть побудет.

Василиса взяла одно из писем, но вскоре отложила. Хотелось самой сходить к сыну, поговорить без наставников и бумаг, услышать, что он делал за день.

Она встала, дошла до двери и остановилась.

Если Алексей ещё у Федьки, придётся посылать за ним. Если уже вернулся, можно будет посидеть вместе. Ничего особенно сложного в этом не было.

— Аксинья, — позвала Василиса, — узнай, вернулся ли царевич. Если да, скажи, что я приду.

Аксинья не стала напоминать о вчерашнем обещании.

Только спросила:

— А бумаги?

— До утра полежат.

Алексей оказался у себя.

Он сидел на полу возле сундука и пытался соединить две деревянные дощечки тонким ремешком. Рядом лежали книга, обрывки кожи и небольшой нож, который Пётр подарил ему для будущих занятий. Сейчас нож оставался в ножнах: мальчик работал пальцами, пытаясь протянуть ремешок через заранее сделанные отверстия.

Увидев мать, Алексей поднялся.

— Матушка!

Василиса села на лавку.

— Покажешь, что делаешь?

Он охотно принёс дощечки и принялся объяснять. Задумал лодку, но пока не понимал, как закрепить борта. Федька советовал привязать их крепче, а Алексей хотел попробовать так, чтобы ремешка почти не было видно.

— Батюшка говорил, надо сначала понять, отчего не держится, — сообщил мальчик.

Василиса взяла одну дощечку, повертела.

— А ты понял?

— Пока нет.

Он сказал это без смущения и снова принялся за работу.

Некоторое время они сидели вместе. Василиса придерживала дерево, Алексей протягивал ремешок через отверстия. Получалось плохо: стоило натянуть один край, другой расходился.

— Не выходит, — признал он.

— Значит, завтра попробуешь иначе.

Алексей подумал.

— Можно у мастера спросить. Батюшка знает одного.

— Спроси.

Он снова занялся ремешком, а Василиса смотрела на его руки.

Мальчик уже не пытался делать всё с её помощью. Не потому, что перестал нуждаться в матери, а потому, что обнаружил множество других людей, у которых можно учиться.

Она провела ладонью по его волосам.

— Завтра расскажешь, что мастер посоветовал?

— Расскажу.

На этот раз Василиса не стала обещать, что непременно придёт в определённый час.

Посидела ещё немного, пока Алексей не принялся зевать, потом поцеловала его и ушла.

Вернувшись к себе, она обнаружила, что письма уже убраны в стопку.

Аксинья оставила на столе рабочую карту и небольшую записку от Птицына о завтрашней поставке. Чернила успели подсохнуть; возле свечи лежало чистое перо.

Василиса подвинула карту.

К вечеру на большом листе остались дела и соединявшие их связи — те, которые удалось установить, не полагаясь на одни фамилии.

До Аграфены добралась последней.

Аграфена Никитична Трифонова.

Указала знакомые ей связи с женщинами при дворе, личные поручения, участие в отдельных делах школы. Она знала, что Аграфена иногда передавала письма и приезжала с известиями, но не представляла всех её знакомств и поездок.

«Поездки».

Рядом оставила свободное место.

Подумав, Василиса взяла отдельный чистый лист и выписала несколько вопросов, с которыми ещё предстояло разобраться. Какие частные пожертвования проходили через людей Нарышкина? Кто из прежних помощников школы теперь подчинялся государевым распорядителям? К кому обратиться за точными сведениями о придворных назначениях? Какие поручения Аграфена исполняла в последние дни?

Затем вернулась к карте и провела черту от имени Ртищевой к Птицыну, обозначив задержанные деньги для вдов.

Василиса убрала письма и карту в ларец, а отдельный лист с ближайшими делами оставила на столе.

Глава 5. Своё место

Глаша пришла проститься в тот час, когда Василиса собиралась ехать в школу.

О её приезде доложила Мавра. Сказала, что девушка стоит в нижних сенях, не решается пройти дальше и всё спрашивает, нельзя ли передать государыне благодарность, не беспокоя её лично.

Василиса сперва велела позвать девушку, а затем передумала.

— Я сама выйду.

Глаша стояла возле окна, отступив от прохода, чтобы не мешать служительницам. На ней было то же тёмное платье, в котором она приходила несколько дней назад, только теперь поверх него лежала аккуратно сложенная шаль. В руках девушка держала небольшой узелок.

Увидев царицу, она растерялась.

— Государыня! Я ведь не думала, что вы сами…

— А почему не поднялась?

— Сказали, что вы собираетесь.

— Собираюсь. Но несколько минут у меня есть.

Глаша опустила глаза.

— Я к Марфе Митрофановне уже сходила. Всё ей сказала. Она не сердилась.

— Решила уйти?

Девушка кивнула.

— В доме, куда звали, место ещё держат. Детей двое, младшему четыре года. И мать их хворает иной раз. Я подумала, там тоже могу пригодиться.

Василиса вспомнила вчерашние слова Птицына. Деньги за отработанные дни были подсчитаны, но разрешения на выдачу он так и не получил.

— А плату обещали какую?

Глаша назвала сумму. Небольшую, но постоянную. Кроме того, ей полагались еда и место для сна. Часть заработка можно было передавать матери.

— Договорилась, чтобы не всё вперёд забирали, — добавила она. — У нас дома младшим обувь нужна.

— И когда приступаешь?

— Завтра.

Девушка развязала узелок. Внутри лежали чистая повязка, ножницы в простом футляре и несколько аккуратно сложенных тряпиц.

— Это Марфа Митрофановна выдала для занятий. Я принесла назад.

Василиса посмотрела на вещи.

— Ножницы твои?

— Казённые.

— Тогда правильно, что вернула. А чему научилась, то у тебя никто не отнимет.

Глаша улыбнулась, но сразу стала серьёзной.

— Я не навсегда, государыня. Коли после опять помощницы понадобятся и жалованье будет, я бы пришла.

— Марфа тебя примет, если место найдётся.

— Я и без жалованья могла бы иной раз помогать. Когда совсем трудно будет. Только не каждый день.

Она произнесла это осторожно, словно опасалась, что её слова примут за обещание, которое потом придётся исполнять.

— Не каждый день, — согласилась Василиса. — И не вместо оплачиваемой работы.

Глаша явно не ожидала такого ответа.

Василиса попросила её подождать и позвала Мавру.

— Передай Птицыну, что Глаша уходит завтра. За выполненную работу расчёт остаётся в силе. Пусть сообщит девушке, где она сможет получить деньги, когда выдачу разрешат.

— Слушаюсь.

Глаша поклонилась, но уходить не торопилась.

— Государыня, а Марфа сказала, что я теперь могу к родам ходить, коли она позовёт. Только сперва надобно ещё учиться.

— Значит, будешь учиться, когда сможешь.

— А если хозяйка не пустит?

— Тогда сначала договорись с ней. Ты теперь у неё служить будешь.

Глаша задумалась.

До сих пор за неё решали мать, наставница или люди лечебной службы. Теперь ей предстояло самой договариваться о времени, работе и плате.

— Я попробую, — сказала она наконец.

Глаша ушла, прижимая к груди шаль. Узелок с учебными вещами остался на лавке.

Василиса проводила её взглядом.

Завтра девушка уже будет в другом доме. Марфе придётся обходиться без неё, пока не найдётся новая помощница, а Птицыну — добиться выплаты денег, которых Глаша так и не получила.

Истомин ожидал царицу возле школьных помещений.

За последние годы здесь многое переменилось. К прежнему дому пристроили светлую комнату с широкими окнами, а в соседнем дворе оборудовали место для упражнений. Дети и молодые ученики приходили в разное время, поэтому двор редко пустовал полностью.

Сегодня у крыльца стояли трое мальчиков. Один держал деревянную дощечку с написанными числами, второй доказывал ему что-то, водя пальцем по строкам, а третий пытался заглянуть через плечо.

Увидев приближающуюся царицу, они поспешно поклонились.

— Что считаете? — спросила Василиса.

— Задачу, государыня.

— Решили?

— Почти, — ответил один. — У нас разные ответы.

Истомин подошёл к мальчикам, взглянул на дощечку и велел отнести её в класс.

— После разберём. Мне нынче другое надобно решить.

Он пригласил Василису внутрь.

В школе пахло мелом, воском и нагретым деревом. Из соседней комнаты доносилось чтение вслух, у окна несколько девушек переписывали короткие тексты. На полке стояли счётные доски, рядом хранились связки учебных листов.

Истомин провёл царицу к своему столу.

Там лежала новая бумага с государевой печатью.

— Утром принесли, — сказал он. — Теперь им не просто сведения об учениках надобны.

Василиса взяла лист.

Прежняя проверка касалась устройства школы, её расходов, наставников и людей, получавших содержание. Истомин уже готовил сведения об успехах воспитанников. Теперь же распоряжение требовало указать учеников, способных к письму и счёту, с возрастом, местом жительства и именами родителей либо опекунов.

Отдельно следовало обозначить тех, кого наставники считали готовыми к практической работе.

— И куда их собираются определить? — спросила Василиса.

— Не написано. Сказано, что сведения потребуются для дальнейшего рассмотрения.

Истомин положил рядом собственный список.

— Я вот над этим весь вечер сидел. Одного могу рекомендовать к переписке простых бумаг, другого — к счёту под присмотром. А третьего вообще пока рано от занятий отрывать.

— Так и напиши.

— Я написал. Только опасаюсь, что заметят имена, а замечания оставят без внимания.

Он раскрыл список на середине.

Напротив одного имени стояло: «К письму способен, требует надзора». Рядом — «Счёт ведёт верно, может помогать при обучении младших».

— Если их действительно возьмут на службу, кто будет решать, кому и какую работу поручить? — спросила Василиса.

— Тот, кому государь велит. Не я.

Истомин произнёс это без особого удовольствия.

— А родители уже знают?

— Некоторые слышали. И теперь хлопочут.

Он вынул из стопки короткую записку.

Отец одного из учеников просил непременно внести сына в число готовых к приказной службе. Мальчик ещё плохо справлялся с самостоятельным счётом, но семья рассчитывала, что при казённом деле он скорее получит жалованье.

— Я отказал, — сказал Истомин. — Отец обиделся. Говорит, сына держу без пользы.

Василиса перечитала просьбу.

— А сам мальчик?

— Хочет к мастерам. Письмо ему даётся, счёт тоже, но сидеть над книгами целый день не любит.

Наставник говорил раздражённо, и Василиса не сразу поняла, на кого именно он сердится: на отца, на распоряжение или на необходимость решать чужую семейную судьбу.

— Ты ведь можешь написать, к какой работе он способен, — заметила она.

— Могу. Только у него отец другого желает.

Истомин убрал записку.

— Я не против службы. Для того и учим. Но ежели от меня требуют сказать, кто готов, я должен отвечать за свои слова. А не за то, кому поскорее жалованья хочется.

— Тогда подавай собственные заключения вместе с именами.

— А если примут только перечень?

— Пусть в нашей школе останется полный экземпляр.

Истомин кивнул.

— Так и сделаю.

Но бумагу со стола не убрал.

— Ещё одна беда, государыня. Девушки.

Василиса посмотрела на него.

— Что с ними?

— Они тоже спрашивают, будут ли их куда-нибудь определять. А в распоряжении про девиц ничего не сказано.

Юлию Борисову Василиса нашла в соседней комнате.

Девушка работала над перепиской хозяйственной записи. Рядом лежали ещё два листа, которые ей предстояло сверить с образцом.

Увидев царицу, Юлия поднялась, убрала перо и выпрямилась.

Наталья Сезинцева сидела у другого конца стола. На её листе почти не осталось свободного места, и она как раз просила разрешения взять новый.

— Не мешайте нам, — сказала Василиса. — Продолжайте.

Наталья вернулась к работе, а Юлия ещё несколько мгновений стояла, явно собираясь с духом.

— Государыня, можно спросить?

— Спрашивай.

— Это правда, что учеников теперь в приказы брать станут?

— Пока только собирают сведения о подготовке.

— А девушек тоже?

Истомин, остановившийся у двери, ничего не сказал.

Василиса подошла ближе.

— Ты хочешь туда?

— Я бы хотела за письмо жалованье получать. У меня выходит аккуратно. Наставник говорит, что могу переписывать хозяйственные книги, если сперва проверю всё как следует.

— Можешь, — подтвердил Истомин.

Юлия взглянула на него с благодарностью.

— Только мне сказали, девушек в приказ не определяют.

— Обычно не определяют, — ответила Василиса.

— А почему?

Вопрос прозвучал не вызывающе. Девушка действительно хотела понять, чего ей не хватает.

Василиса могла бы рассказать о привычном порядке службы, о должностях, которых для женщин не существовало, и о том, как трудно менять подобные вещи. Но всё это мало помогло бы Юлии, которой нужно было знать, сможет ли она зарабатывать своим умением.

— Одних знаний для такого назначения пока недостаточно, — сказала Василиса. — Нужны место, жалованье и человек, который вправе принять тебя на службу.

— А при школе такое место есть?

Истомин нахмурился.

— При школе есть помощницы и переписная работа. Только постоянных мест мало. И сперва надо решить, кто за них платить будет.

Юлия перевела взгляд с него на царицу.

— Значит, если бы место нашлось, я могла бы работать?

— При школе или другом нашем учреждении — возможно. Но обещать тебе место сейчас не могу.

Девушка кивнула, хотя по лицу было видно, что ответ её не вполне устроил.

— А коли стану ещё лучше писать?

— Это пригодится в любом случае.

Юлия вернулась к столу, но прежде чем сесть, снова подняла голову.

— Государыня, а если из-за моей ошибки другого человека неправо обвинят?

— Тогда ошибку нужно будет исправить и выяснить, как она появилась.

— А если поздно узнают?

Василиса задержалась с ответом.

— Потому и надо проверять записи до того, как по ним принимают решения.

Истомин одобрительно кивнул, но Юлия продолжала смотреть на царицу.

— А если человек, который велел написать, сам ошибся?

В соседней комнате мальчики снова принялись спорить над задачей.

Василиса слышала их голоса, но не обернулась.

— Тогда и его распоряжение придётся проверять, — сказала она наконец.

Юлия немного подумала и села.

Истомин проводил Василису до двери.

— Вот такая у меня ученица, — заметил он вполголоса. — И письмо ведёт исправно, и вопросы задаёт такие, что сам иной раз ответа не нахожу.

— Не отучай её спрашивать.

— И не собирался.

Он помолчал.

— Только пока мне нечего ей предложить, кроме новых упражнений.

Василиса посмотрела на распоряжение, которое наставник держал в руке.

— Подготовь отдельно сведения о девушках, способных к оплачиваемой переписке. Не для государевых приказов — для наших учреждений. Надо сначала понять, сколько такой работы есть и кто сейчас её выполняет.

— И сколько денег понадобится?

— Именно.

Истомин оживился.

— Такой список я составлю.

— Только не обещай им назначения прежде времени.

— Не стану.

Когда Василиса вышла во двор, школьные занятия уже заканчивались.

Несколько мальчиков спешили к воротам, другие задержались у крыльца, ожидая товарищей. Две девушки шли рядом, о чём-то споря вполголоса; у одной под мышкой лежала книга, завёрнутая в полотно.

Истомин догнал царицу у ступеней.

— Государыня, ещё одно слово.

Она обернулась.

— Сведения о воспитанниках я завтра передам. Только не знаю, станут ли государевы люди ждать, пока всех проверю.

— Скажи, что перечень готов, а заключения наставников ещё составляются.

— Скажу. Хотя им это может не понравиться.

— Тогда пусть уточнят срок.

Истомин согласился не сразу.

— Коли потребуют срочно, придётся некоторые имена подавать без всего, что я хотел написать.

Василиса задумалась.

— Нет. Имена подавай с теми сведениями, которые уже проверены. А возле остальных так и укажи, что обучение продолжается.

Наставник посмотрел на неё с облегчением.

— Это можно.

— И оставь у себя копию.

— Оставлю.

Он поклонился и вернулся в дом.

К лечебному двору Василиса приехала позже, чем собиралась.

Марфа Митрофановна встретила её возле входа. На руках у повитухи были следы мыла, передник оставался влажным. Она как раз закончила помогать женщине, у которой после родов долго не прекращалась слабость.

— Сейчас ей легче, — сказала Марфа. — Только вставать рано.

Василиса расспросила о роженице и младенце. Марфа ответила обстоятельно, но без лишних подробностей, затем провела её в комнату, где хранили чистое полотно и необходимые принадлежности.

На столе лежали возвращённые Глашей ножницы в футляре.

— Жалко девку отпускать, — сказала Марфа, заметив взгляд царицы. — Руки у неё хорошие.

— Уже попрощалась?

— Со мной — да. С младшими помощницами дольше прощалась. Они ей всё твердили, чтобы назад приходила.

Марфа взяла футляр, проверила ножницы и убрала в шкаф.

— У той хозяйки двое детей. Коли Глаша приживётся, кто её отпустит? И сама не захочет уходить, если платить станут исправно.

— Ты недовольна?

— Конечно, недовольна. Я её учила. Она уже при родах помогает, поручение понимает. Теперь другой девке всё заново показывать.

Марфа сказала это без злобы, но Василиса впервые за день услышала от человека открытое раздражение из-за ухода Глаши.

— Новую помощницу найдём.

— Найдём. Только между новой и обученной разница великая.

Марфа отодвинула корзину с полотном.

— Я ведь тоже девок даром держать не могу. Они учатся, помогают, ночами не спят. А дома у каждой свои нужды.

Василиса согласилась, что постоянную работу помощниц необходимо учитывать отдельно от обучения. Марфа попросила не принимать новых девушек больше, чем сможет подготовить и обеспечить делом.

— Иначе выйдет, что мы их научили, а дальше сами не знаем, куда девать.

— Сколько сейчас можешь взять?

Марфа назвала число, потом уточнила, что всё зависит от того, останутся ли две старшие помощницы.

— Вот по ним сперва и решать надобно.

Василиса попросила подготовить сведения о людях, которые уже работают, и о тех, кому ещё требуется обучение.

— Для себя составлю, — сказала Марфа. — Только вы потом не велите всех в государевы списки одним разом вписывать.

— Не велю без нужды.

Марфа удовлетворённо кивнула.

Обратно ехали уже под вечер.

Василиса сидела у окна кареты, слушая, как колёса постукивают по неровной дороге. Аксинья устроилась напротив, придерживая корзину с вещами, которые передали из лечебного двора.

Некоторое время обе молчали.

— Марфа сердится? — спросила Аксинья.

— Из-за Глаши — да.

— Понимаю. Она на девушку рассчитывала.

Аксинья поправила крышку корзины и заговорила о завтрашнем дне. На женской половине снова ожидали нескольких посетительниц, а после последних распоряжений не все служительницы понимали, кого следует проводить к царице сразу, а кого направлять к людям, ведающим хозяйственными делами.

— Хорошо бы с утра решить, — сказала Аксинья. — Иначе опять все к вам пойдут.

— Поговорю с Птицыным.

Аксинья кивнула.

Больше о Глаше они не говорили.

Когда Василиса вернулась, Мавра сообщила, что её ожидает человек от Татьяны Ртищевой.

Он привёз короткое письмо.

Татьяна Александровна писала, что одну из вдов удалось устроить на временную работу в знакомом доме. Женщина будет помогать по хозяйству, пока не решится вопрос с обещанными деньгами.

В конце письма стояла просьба сообщить, удалось ли выяснить, когда можно ожидать выплату.

Василиса взяла перо и написала ответ.

Не стала обещать скорого решения. Сообщила, что Птицын продолжает разбираться с частными средствами и что о результате она известит отдельно.

Потом поблагодарила Татьяну Александровну за помощь женщине.

Письмо получилось коротким.

Мавра забрала его для отправки.

Василиса открыла ларец и достала карту.

Нашла имя Ртищевой. Рядом уже стояли пометы о вдовах и связи с Птицыным.

Она дописала: «Одна вдова устроена на временную работу. Деньги не выданы».

Аксинья пришла, когда уже собирались подавать ужин.

— Вы звали, государыня?

— Да. Об Аграфене хотела спросить.

— Нового нет.

— Тогда не станем снова людей к её дому гонять. Скажи лучше: кто из наших женщин знает её давно, ещё до нынешних поручений?

Аксинья задумалась.

— Есть одна. Они прежде часто виделись. Только нынче та при другом доме живёт.

— Ты можешь с ней поговорить?

— Могу.

— Тогда поговори сама. Не о том, где Аграфену искать, а о том, не говорила ли она прежде, куда собирается ехать и с кем должна встретиться.

Аксинья нахмурилась.

— Коли женщина чужие слова пересказывать не захочет?

— Не принуждай.

— Хорошо.

Она уже направилась к двери, но Василиса остановила её:

— И не объявляй, будто с Аграфеной непременно что-то случилось. Мы этого не знаем.

— Я и не собиралась, государыня.

Аксинья ушла.

Позднее, когда служительницы убрали посуду и в покоях стало тихо, Василиса снова достала карту.

Она взяла отдельный чистый лист.

На этот раз написала не имена, а вопросы.

Кто может принять решение?

От чьих денег оно зависит?

Кому придётся исполнять?

И что станет с человеком, если решение окажется неверным?

Василиса подвинула к себе ещё один лист и начала записывать то, что собиралась сказать Петру.

Написала другое.

Попросить государя определить, кто утверждает жалованье и отвечает за уже возникшие обязательства. Кто будет рассматривать рекомендации наставников. К кому обращаться, если новое распоряжение мешает выполнить прежнее.

А затем написала внизу:

«Говорить с Петром».

Не о том, кому принадлежат люди.

О том, что будет с ними после его распоряжений.

Глава 6. Чужая подпись

Пётр велел передать, что примет Евдокию после обеда.

Василиса получила ответ ещё до того, как закончила завтрак. Посыльный сообщил, что государь с утра занят и просит не приезжать прежде назначенного времени.

Она поблагодарила его и вернулась к столу.

Рядом с чашкой лежал приготовленный накануне лист. Четыре вопроса, несколько пометок и список дел, по которым требовалось решение.

На этот раз она решила не начинать разговор с жалоб.

У Петра наверняка найдётся объяснение каждому распоряжению. Она уже знала, каким раздражённым он становится, когда ему приходится повторять одно и то же. Если говорить обо всём сразу, государь услышит лишь очередное недовольство проверкой.

Лучше начать с того, чего не предусмотрели ни он, ни его люди.

В дверь постучали.

Вошёл Птицын.

— Государыня, Савва Андреевич ответ прислал.

— О чём?

— О выдаче денег за работу в лечебном дворе.

Василиса отложила свой лист.

— Наконец.

Иван не разделил её облегчения.

— Он пишет, что до окончания разбора расходов новые выдачи из прежней суммы без его разрешения не производить.

— Но работа была выполнена до проверки.

— Я так и написал.

— И что?

Птицын вынул бумагу.

— Велено представить запись о том, когда девушка приступила к работе, кто её обучал, какие обязанности она исполняла и на каком основании ей положена плата.

— Ты же всё представил.

— Расчёт представил. А теперь ему ещё надобно удостовериться, что это была именно работа, а не обучение.

Василиса развернула бумагу.

Ответ был составлен аккуратно. Савва Андреевич не отказывал в выплате. Он требовал установить основание, поскольку прежние записи лечебного двора не всегда отделяли учениц от оплачиваемых помощниц.

На полях стояла помета другого подьячего: «До выяснения не выдавать».

— Значит, всё упирается в одно слово, — сказала Василиса.

Птицын посмотрел на неё.

— В какое?

— Ученица или работница.

— Для приказного человека разница большая.

— А для Глаши?

— Для неё деньги нужны, — ответил Иван. — Она ещё вчера за ними спрашивала.

Василиса положила бумагу на стол.

— Кто может разрешить выплату?

— Пока Савва Андреевич. Он принимает расходные книги и даёт согласие на выдачи по проверяемым статьям. А если возникнет спор, пошлёт спрашивать государя.

— И он ещё не решил?

— Нет.

— Тогда сегодня я сама спрошу государя.

Птицын осторожно сложил руки перед собой.

— Государыня, только я бы не просил сразу о деньгах одной Глаше.

— Почему?

— Потому что за нею другие стоят. Одной выдачу разрешат, а после всякий раз опять спрашивать придётся.

Василиса посмотрела на него внимательнее.

Иван раскрыл свою счётную книгу.

— Вот здесь у меня две старшие помощницы Марфы. Они уже получают плату, но не всегда одинаковую. Здесь девки, которые пока учатся и живут при дворе на содержании. А здесь те, кого Марфа временами зовёт помогать при родах. Последним бывает положена отдельная выдача.

Он провёл пальцем по записям.

— Прежде Марфа определяла, кого куда поставить, а я рассчитывал по её словам. Теперь всякий такой случай приходится объяснять заново.

— Что предлагаешь?

— Утвердить три разряда. Кого содержат ради обучения. Кому назначено постоянное жалованье. Кого зовут на отдельную работу с платой за сделанное. Марфа пусть указывает, кто и когда работал. Я буду вести расчёт, а выдачу оформлять по установленному порядку.

Он вынул из книги сложенный лист.

— Я уж набросал, как это можно устроить. Только без ваших слов дальше писать не решился.

Василиса прочла черновик. Три категории были перечислены отдельно, под каждой Птицын оставил место для условий содержания и подтверждения выполненной работы.

— Савва согласится?

— Не знаю. Но ему тогда будет что проверять, кроме наших устных объяснений.

Она сложила черновик вместе со своими вопросами.

— Этот возьму к государю. А ты подготовь подробный порядок с расчётами. После обеда принесёшь.

— Сегодня?

— Сегодня. Если Пётр согласится рассмотреть предложение, Савве понадобится уже не черновик.

Иван ещё несколько мгновений стоял возле стола.

— Государыня, а про деньги Глаше вы не забудьте.

— Не забуду.

— Она ведь уже в другом доме служит.

— Знаю, Иван.

Он поклонился и вышел.

Василиса снова развернула свой лист.

Рядом с первым вопросом написала: «Савва Андреевич. Выдачи до окончания проверки».

Теперь у разговора появилось начало.

После утренних дел пришёл Хлебников с новыми выписками.

Роман положил бумаги на край стола и принялся объяснять, какие записи удалось восстановить по оставшимся копиям.

Василиса слушала, пока он не упомянул школьные сведения.

— Истомин обещал передать их сегодня, — сказал Роман. — Я приготовил опись для принятия.

— Кто принимает?

— Государев подьячий, которого Савва Андреевич пришлёт. Он уже справлялся.

— А решать, кого определить к службе, тоже будет этот подьячий?

Роман удивился.

— Нет, государыня. Он бумаги примет. Дальше куда велят передать.

— Куда именно?

— Не сказано.

Она невольно усмехнулась.

— Значит, Истомин отдаст имена учеников, а мы даже знать не будем, кто станет ими распоряжаться.

— Имена ещё не распоряжение, — осторожно заметил Хлебников.

Василиса посмотрела на него.

— Верно.

Роман дождался, пока она вернёт ему один из листов.

— Можно я в описи отдельно укажу, что с перечнем переданы заключения наставника? Чтобы после не сказали, будто их не было.

— Укажи.

— И число листов.

— Разумеется.

Он выглядел удовлетворённым. Для него дело становилось понятнее всякий раз, когда удавалось установить, какие бумаги кому передаются.

— Роман, а если от тебя потребуют оставить у себя только перечень имён, а замечания Истомина не принимать?

Хлебников задумался.

— Я приму те бумаги, какие дадут. А в описи отмечу, чего не приняли.

— Не всякому это понравится.

— Может быть, — согласился он. — Только без того потом не разберёшь.

Она отпустила его.

Оставшись одна, Василиса дописала к своим вопросам ещё одну строку.

«Кто получает сведения об учениках и кто принимает решение об их назначении».

Пётр встретил её в небольшой комнате, где обычно разбирал бумаги.

На столе стояла недопитая кружка. Возле окна лежали свёрнутые чертежи, а у стены — несколько деревянных образцов, которые, судя по стружке на полу, недавно обрабатывали.

Государь сидел над письмом.

— Пришла, Дуня? Садись.

Василиса поклонилась и устроилась на предложенном месте.

Пётр дочитал строку, поставил короткую помету и отложил бумагу.

— Ну, рассказывай. Опять Савва кого-то обидел?

Она вынула приготовленные листы.

— Не обидел. Но несколько дел остановились, потому что никто не знает, кто вправе принять решение.

Пётр посмотрел на бумаги.

— Я ведь сказал: Савва разберёт расходы.

— Именно поэтому и приехала.

Он откинулся на спинку кресла.

— Слушаю.

Василиса рассказала о Глаше.

Не стала подробно говорить о девушке, её семье или новом месте. Объяснила, что работа выполнена, расчёт подтверждён Марфой и Птицыным, но выплата остановлена до решения, считать ли помощницу ученицей или работницей.

Пётр нахмурился.

— А прежде как считали?

— Когда она только училась, ей давали содержание. После стала помогать при родах. За такую работу должна была получать плату.

— Должна — кто сказал?

— Я разрешила. Марфа поручала работу. Птицын вёл расходы.

Пётр постучал пальцем по столу.

— Вот это мне и не нравится. Одна разрешила, другая поручила, третий деньги выдал. А ежели из казны дважды заплатили, кто отвечать станет?

— Тот, кто подтвердил неверный расчёт.

— Хорошо сказано. Только ещё найти надобно.

Василиса подвинула к нему черновик Птицына.

— Поэтому Иван предлагает установить порядок. Обучение отдельно, постоянная работа отдельно, разовые поручения отдельно.

Пётр взял лист.

Прочёл несколько строк, затем вернулся к началу.

— Это Птицын написал?

— Его предложение.

— Толково.

Он продолжил читать.

Василиса ждала.

— Сколько у вас таких девок? — спросил Пётр наконец.

— Марфа уточнит. Сейчас там работают несколько обученных помощниц, а другие ещё учатся.

— И за всякую отдельно просить станете?

— Я как раз не хочу, чтобы приходилось просить.

Пётр отложил лист.

— Тогда пусть Савва посмотрит. Если суммы верны и Марфа подтверждает работу, выдачу разрешит.

— А уже заработанные деньги?

— То же самое.

— Савва требует нового подтверждения, хотя расчёт есть.

— Значит, принесите, что требует.

Василиса почувствовала, как возвращается раздражение.

— Пётр, мы уже представили всё, что у нас было. Теперь он требует определить обязанности задним числом. Человек отработал, а мы решаем, как назвать сделанное.

Пётр хотел ответить, но остановился.

Он снова посмотрел на бумагу.

— Марфа при родах была?

— Была. Глаша ей помогала.

— Это записано?

— Да.

— Птицын сумму подтвердил?

— Да.

— Тогда чего ещё?

— Того и спрашиваю.

Пётр поморщился.

— Савва иногда любит лишнего понаписать.

Он взял перо.

На свободном краю бумаги вывел несколько слов, поставил подпись и придвинул лист обратно Василисе.

— Передай. Пусть по подтверждённым работам расчёт завершит. А новый порядок отдельно рассмотрит.

Она прочла.

Распоряжение было коротким. Савве Андреевичу предписывалось проверить уже представленные сведения и не задерживать законную выплату лишь потому, что общий порядок содержания помощниц ещё не утверждён.

Это не означало, что деньги выдадут сегодня. Савва по-прежнему должен был проверить запись.

Но теперь он не мог просто ждать окончания всей проверки.

— Благодарю, — сказала Василиса.

— Не благодари прежде времени. Коли у вас там неверно записано, опять разбираться станем.

— Согласна.

Пётр поднял глаза.

— Быстро согласилась.

— Потому что с проверкой я не спорю.

Он усмехнулся.

— Тогда с чем?

— С тем, чтобы человек оставался без заработанного только потому, что мы не определили, чья подпись нужна.

Пётр несколько мгновений смотрел на неё.

Потом протянул руку за кружкой и обнаружил, что та пуста.

— Воды принеси кто-нибудь! — крикнул он в сторону двери.

Василиса дождалась, пока служитель поставит свежую кружку и выйдет.

— Есть ещё дело.

— Разумеется, есть.

Он произнёс это с таким видом, что она едва удержалась от улыбки.

О школьных воспитанниках Пётр заговорил охотнее.

— Мне люди нужны, Дуня. Не только солдат учить. Писать кому? Считать кому? В приказах иной подьячий до старости сидит, а столбца без ошибки свести не может.

— Истомин готов представить сведения об учениках. Только хочет, чтобы вместе с именами приняли его заключения об их подготовке.

— Так пусть пишет.

— Пишет. Но назначения потом будут делать другие люди.

— Конечно, другие. Ты что, Истомина теперь и по приказам рассаживать хочешь?

Василиса достала несколько записей, которые наставник позволил взять с собой.

— Нет. Хочу, чтобы при назначении знали, к какой работе ученик готов, а к какой ещё нет.

Пётр протянул руку.

— Покажи.

Он стал читать.

На одном листе остановился.

— «К счёту способен, но требует проверки старшего». Это что ещё за готовность?

— Значит, может помогать, но самостоятельно отвечать за расчёты пока не должен.

— А вот здесь?

— «Письмо ведёт верно, способен обучать младших».

Пётр прочёл имя.

— Возраст?

Она назвала.

Он кивнул и перешёл к следующему листу.

— Значит, так и представлять станете. С замечаниями.

— А кто их получит?

— Савва соберёт, потом разберём, кому какие люди нужны.

— Кто будет решать окончательно?

Пётр поднял голову.

— Я, коли потребуется. Или те, кому поручу.

Василиса не отвела взгляда.

— Тогда пусть сбор сведений не считают назначением. Родители уже волнуются: одни хлопочут, чтобы сыновей взяли скорее, другие боятся отпускать.

Пётр усмехнулся.

— Вот всегда так. Одному место подавай, другому не тронь.

— Потому и прошу разделить сбор сведений и назначения.

Он подумал.

— Ладно. Савве скажу. Пока пусть учеников не трогают. Списки принимают с заключениями, а кому куда идти — после решим.

— И копии останутся в школе?

— Оставляйте. Мне они зачем?

— Чтобы при передаче не потеряли замечания наставника.

Пётр посмотрел на неё с некоторым удивлением.

— Сама-то ты веришь, что без записей у нас хоть одно дело долго простоит?

— После последних дней всё больше.

Он рассмеялся.

— Вот и хорошо. Значит, не напрасно начали.

Василиса тоже улыбнулась.

Пётр искал людей для государственной службы. Истомин мог представить сведения об их подготовке, но решать, куда отправить воспитанников, предстояло государевым людям.

По крайней мере теперь никто не должен был принимать сам перечень за распоряжение о переводе.

— Есть ещё девицы, — сказала она, когда Пётр собрал школьные бумаги.

Государь остановился.

— Какие девицы?

— Которые учатся при школе письму и счёту. Некоторые способны вести книги не хуже мальчиков.

— И что?

— Они спрашивают, смогут ли получать жалованье за переписную работу.

Пётр поставил кружку.

— В приказ их хочешь?

— Нет. Пока речь о наших учреждениях. Там уже есть работа с бумагами, а постоянных оплачиваемых мест мало.

Пётр усмехнулся.

— Ты сперва девок выучила, теперь места им придумываешь.

— Учила не ради того, чтобы они всю жизнь переписывали упражнения.

— А кто платить станет?

— Вот это и собираюсь выяснить.

Она рассказала о Юлии Борисовой.

О том, что девушка умеет аккуратно вести записи, но не имеет оснований рассчитывать на государеву приказную службу. Истомин готов определить, какие работы ученицы уже способны выполнять. Птицын может подсчитать, сколько таких работ действительно требуется школе и лечебной службе.

Пётр выслушал.

— Значит, пока просишь только подсчитать?

— Да.

— Считайте.

— Если окажется, что работа есть и деньги найдутся?

— Тогда принесёшь. Посмотрим.

Он взял одно из писем со стола.

— Только не делай из школы новый приказ, Дуня. Мне и прежних хватает.

Василиса не стала возражать.

Её саму пока не устраивала мысль открывать должности ради того, чтобы куда-то определить обученных девушек. Сначала следовало установить настоящую потребность.

— Хорошо, — сказала она. — Пока ограничимся сведениями.

Пётр снова принялся читать письмо.

Василиса собрала бумаги, но он неожиданно спросил:

— А Лёшка что поделывает?

Она подняла голову.

— Вчера лодку мастерил.

— Какую ещё лодку?

— Из деревянных дощечек. Хотел борта ремешком соединить.

Пётр рассмеялся.

— Ремешком? Ну, выдумал!

— Не получилось.

— Конечно, не получилось. Дерево так не держат.

Он отложил письмо.

— Я ему говорил, чтобы у мастера спрашивал, коли сам не понимает.

— Он собирался.

— Спросит — покажут.

Пётр был явно доволен.

— Только сам пусть сперва подумает. Не желаю, чтоб ему всякий раз готовое приносили.

Василиса вспомнила, как Алексей сидел на полу, упрямо протягивая ремешок через отверстия.

— Он старается.

— Вижу.

Пётр помолчал и добавил:

— Завтра велю показать ему другой способ. Пусть попробует.

Разговор о сыне оказался коротким.

Василисе хотелось спросить, когда она сможет проводить с Алексеем больше времени, но сейчас этот вопрос прозвучал бы совсем иначе, чем просьбы о школьных бумагах и жалованье.

Она оставила его при себе.

У двери Пётр остановил её.

— Дуня.

Василиса обернулась.

— Что?

— Я Савве велел ваши дела разобрать не для того, чтобы тебе назло сделать.

— Знаю.

— Не уверен.

Он подошёл к столу, взял черновик Птицына и ещё раз посмотрел на предложенный порядок выплат.

— Ты умеешь людей собирать. Этого у тебя не отнимешь. Только нынче они уже не одних твоих просьб исполняют. Школа людей к службе готовит, лекарское дело тоже государству нужно. Не могу я допустить, чтобы всё держалось на том, кто нынче в твоих покоях сидит.

— И я не хочу, чтобы держалось только на мне.

— Тогда чего всё время споришь?

Василиса посмотрела на подписанное им распоряжение.

— Потому что ты меняешь начальников быстрее, чем люди узнают, кому теперь отвечать. И когда работа останавливается, крайним оказывается тот, кто её делал.

Пётр нахмурился.

— Значит, надо лучше назначать.

— Надо.

Он не ожидал согласия и некоторое время молчал.

— Хорошо. Будем.

Василиса поклонилась.

Пётр вернулся к столу.

Она уже взялась за дверную ручку, когда услышала:

— Только полных сведений о людях я всё равно потребую.

Она обернулась.

Государь смотрел на неё серьёзно.

— Не хочу узнавать от чужих, кто у тебя по делам ходит.

Василиса почувствовала, как стало холодно под воротом платья.

Она сразу вспомнила Аграфену.

Но Пётр не назвал ни одного имени.

— По школе и лечебной службе всё представим, — сказала она.

— Смотри, Дуня.

Он больше ничего не добавил.

Птицын ожидал её возвращения с подготовленными бумагами.

Иван принёс обещанный порядок содержания учениц и оплаты помощниц. К прежнему черновику он добавил расчёты и отдельные сведения по уже выполненной работе.

Василиса передала ему подписанное распоряжение Петра.

Он прочёл его стоя.

Потом ещё раз.

— Это уже другое дело, — сказал наконец.

— Когда Глаша сможет получить деньги?

— Теперь Савва Андреевич должен рассмотреть подтверждения без ожидания окончания всей проверки. Завтра с утра понесу. Если примет, выдачу можно будет оформить.

— И если не примет?

Птицын аккуратно сложил бумагу.

— Тогда пусть письменно укажет, чего недостаёт. А я покажу, что уже представлено.

— Подписанное распоряжение оставляю тебе. Ты и предъявишь его Савве.

— Слушаюсь.

Иван достал школьные записи.

— А Истомин прислал сведения. Хлебников уже готовит опись.

— Пусть передают вместе с заключениями наставника. Без распоряжения о назначении никого из школы не отправлять.

— Государь согласился?

— Да.

Птицын заметно оживился.

— Тогда Истомин обрадуется. Он с утра ворчал, будто у него всех учеников к зиме разберут.

— Передай ему.

— Сам передам.

Василиса показала список работ, которые предстояло подсчитать для возможного найма переписчиц.

Птицын прочёл несколько строк.

— Это для девиц?

— Для тех, кто действительно сможет работать. Но сперва нужно узнать, какие записи у нас ведутся и кто сейчас за них отвечает.

Иван вздохнул.

— Ещё одна книга.

— Пока только перечень.

— У вас, государыня, всякий перечень потом книгой становится.

Она рассмеялась.

— А у тебя всякая книга потом требует ещё одной.

— Потому что иначе не сойдётся.

Перед уходом Птицын попросил Хлебникова внести в записи, что подписанное государем распоряжение принято им для представления Савве Андреевичу. Роман записал дату, краткое содержание и имя получившего бумагу.

Оригинал Птицын забрал с собой.

Аксинья вернулась поздно.

Василиса уже собиралась отложить занятия с картой, когда та вошла без обычной корзины с ключами и хозяйственными записями.

— Поговорила, государыня.

Василиса подняла голову.

— С той женщиной?

— С ней.

Аксинья закрыла дверь и подошла ближе.

— Она Аграфену давно знает. Виделись они за несколько дней до того, как та пропала из дому.

— Что сказала?

— Аграфена заказывала у неё работу. Надобно было к назначенному дню кое-что сшить. Работа готова, а забирать никто не приехал.

Василиса нахмурилась.

— Это всё?

— Нет. Женщина говорит, Аграфена заранее предупредила, что может уехать и вернуться не сразу. Просила готовое пока оставить у себя.

Василиса положила перо.

— Когда предупредила?

— За несколько дней до того, как вы посыльного отправили.

— Куда собиралась?

— Не сказала.

— Надолго?

— Тоже не сказала. Только просила работу не отдавать другому человеку, даже если за ней станут спрашивать.

Аксинья помолчала.

— Я уточнила, часто ли она так поступала. Женщина говорит, бывало, Аграфена задерживалась с расчётом, но заранее о долгом отъезде прежде не предупреждала.

Василиса придвинула к себе карту.

Возле имени Аграфены по-прежнему стояло подчёркнутое слово «поездки».

— Значит, она знала, что может отсутствовать.

— Похоже на то.

— Но могла и передумать.

— Могла.

Аксинья села только после того, как Василиса указала ей на лавку.

— Женщина ничего дурного не рассказывала. Никакого испуга за Аграфеной не замечала. Говорит, та была занята своими делами и торопилась.

Василиса посмотрела на Аксинью.

— Ты ей сказала, что мы ищем Аграфену?

— Сказала, что государыня желает с ней поговорить. Больше ничего.

— Хорошо.

Аксинья поправила край рукава.

— Только я бы не делала вывода, будто она непременно сама уехала.

— Почему?

— Потому что человек мог собираться в дорогу, а потом с ним другое случилось. Мы знаем только, что она заранее говорила об отъезде.

Василиса кивнула.

— Ещё кого-нибудь станешь расспрашивать? — спросила Аксинья.

Василиса задумалась.

— Пока нет. Завтра мне нужны прежние поручения Аграфены. Те, о которых сохранились записи. Посмотрю сама, какие дела могли потребовать поездки.

Аксинья насторожилась.

— Все?

— Только последние. И без новых расспросов по двору.

— Хорошо.

Она поднялась.

У самой двери Василиса окликнула её:

— Аксинья, ты ведь сохранила тот первоначальный перечень, где Аграфена была записана?

— Сохранила.

— Принеси утром.

Аксинья остановилась.

— Зачем?

— Хочу сравнить, какие поручения мы сами за ней числили и что действительно записано в других бумагах.

— Принесу.

Она вышла.

Василиса убрала карту в ларец.

Глава 7. Особые поручения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.